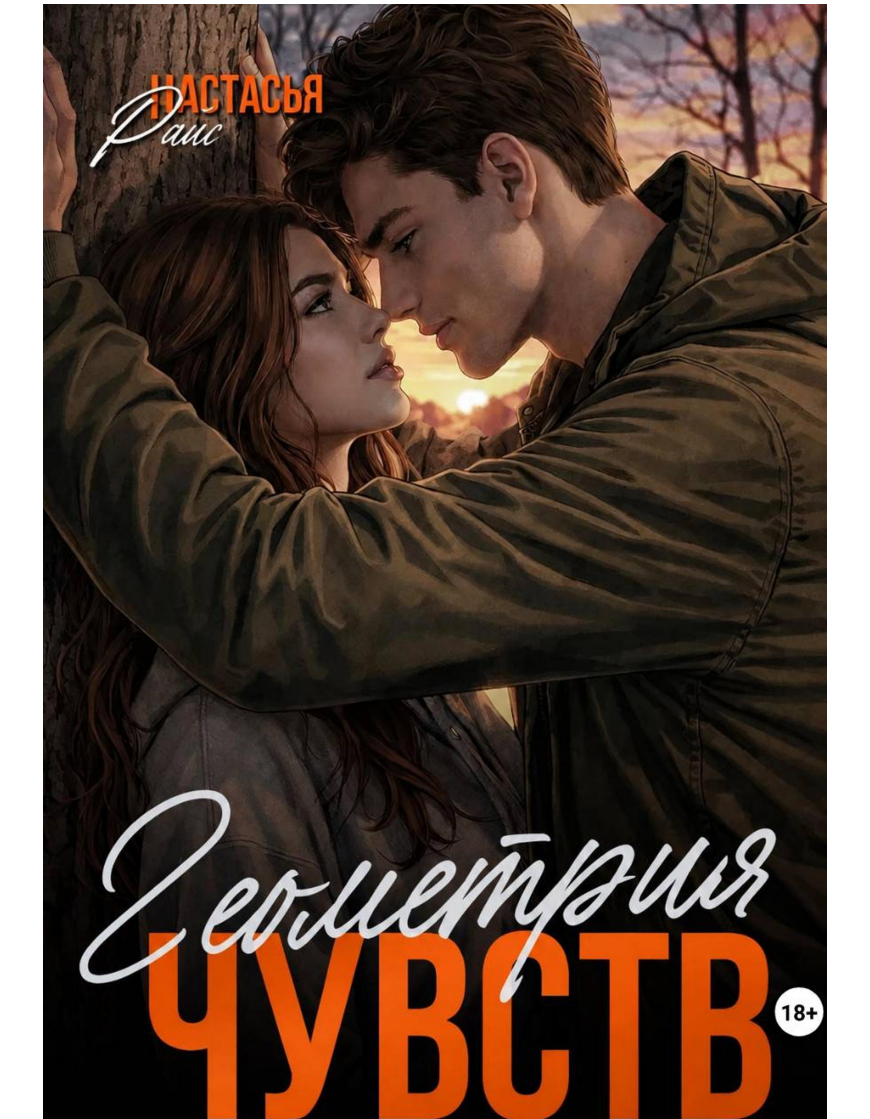

НАСТАСЬЯ
Ранс

Геометрия
ЧУВСТВ

18+

Настасья Райс

Геометрия чувств

<https://litres.ru/74263224>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он был просто другом, пока одна ночь не показала, кто настоящий герой этой истории.

Лучший способ узнать, кто тебя любит по-настоящему? — Пережить предательство. Мой парень Тим подарил мне его в щедрых дозах. А мой лучший друг Артём — собрал по осколкам.

Он не читал нотаций. Не обещал «разобраться». Он просто был рядом. Его молчаливая поддержка оказалась сильнее всех слов. Но как переступить через старые чувства? Как отличить благодарность от любви? И что я скажу Тиму, который внезапно осознал, что потерял, и теперь готов на все, чтобы вернуть меня?

Содержание

1 глава.	4
2 глава.	15
3 глава.	25
4 глава.	31
5 глава.	41
6 глава.	51
7 глава.	61
8 глава.	71
9 глава.	79
10 глава.	89
11 глава.	101
12 глава.	113
13 глава.	120
14 глава.	131
15 глава.	139
16 глава.	146
17 глава.	153
18 глава.	167
19 глава.	177
20 глава.	184
Конец ознакомительного фрагмента.	185

Настасья Райс

Геометрия чувств

1 глава.

«Сюрприз для самой себя»
Альбина

Последние два месяца моя жизнь — это залитый солнцем итальянский акварельный этюд, на котором я — всего лишь случайный мазок кисти. Ослепительная белизна яхт в ПортоФино, терпкий вкус недопитого просекко в баре отеля, бархатная пыль на полках библиотеки в старинной вилле. И

все это — сквозь призму тоски. Я как бабочка, прищипленная булавкой к музейной коробке, в то время как за окном бушует настоящая жизнь. Моя жизнь. Там, в городе моего детства, где меня ждет Тимофей.

Самолет с глухим стоном шасси касается бетона, и мое сердце отвечает ему вибрацией — трепетной, нервной. *А вдруг пазл не сложится?* Нет, Тим не изменился, не может измениться. Со мной — да, со мной творится что-то странное. Каждый день — милые сообщения, ночные звонки, когда его голос, хриплый от сна, плывет ко мне через тысячи километров. Он скучает. Жалуется, что его лето — это ка-торга: качалка, бизнес-курсы отца, скучные встречи. А я тут, среди залитых солнцем развалин и улыбок незнакомых мужчин. Я смеялась тогда, делая в камеру преувеличенно-серьезное лицо: «Ты же знаешь, с тобой никто не сравнится».

Все было, как всегда. Нет, даже лучше — расстояние словно разожгло в нем новый азарт. Наши переписки в мессенджере пестрели уведомлениями. Тимофей закидывал меня сообщениями с утра до ночи: смешные мемы, треки, которые напоминали ему о нас, и, конечно, его фирменные пошлые шутки, от которых я заливалась румянцем даже в одиночестве.

«Скучаю по твоим ножкам в моей машине», — мог написать он среди дня. Или: *«Когда ты вернешься, я не отлипну от тебя на пару дней»*.

Я отмахивалась от его настойчивости с притворным воз-

мущением, но внутри таяла. Эта его дерзость, этот нескрываемый голод всегда были частью его обаяния. Тимофей горел ярко и требовал того же от других. В этом был его магнетизм — ураганная, всепоглощающая энергия, которая меня и притягивала, и временами слепила. Но я видела лишь одно: между нами ничего не изменилось. Он был все тем же — настойчивым, внимательным, моим Тимом.

Именно поэтому, едва ступив на раскатанную дорожку из асфальта и забрав свой перепачканный бирочными наклейками чемодан, я не набираю его номер. Идея рождается сама собой, как вспышка, — ослепительная и жгучая. Сюрприз. Я явлюсь на вечеринку в честь первого сентября, о которой он обмолвился вчера парой строчек. Возникну из ниоткуда, как джинн из кувшина, в черном платье, что обнимает меня, как вторая кожа, и от которого, как я знаю, у него перехватывает дыхание. Увижу, как расширяются его темные, почти черные глаза, как дрогнет уголок рта в той самой улыбке, что предназначена только мне. И эти два месяца тоски испарятся, как утренний туман над Тирренским морем.

— Альбина? Фисташка, это ты?

Голос, в котором я могу с закрытыми глазами различить каждую вибрацию, пререзает шум аэропорта прямо за моей спиной. Я оборачиваюсь, и мир вдруг обретает четкие, привычные контуры. Высокий, до неудобства, с вечно вихрастой шевелюрой цвета воронова крыла и глазами, как два осколка летнего неба, — Артём. *Мой Тёма*. Друг детства, мое персо-

нальное лекарство от хандры и единственный человек, которому я отправила смс: «Выжила. Лечу домой» — прямо со взлетной полосы в Милане.

— Тём! — вырывается у меня облегченный выдох, и я влетаю в его объятия.

Артём пахнет домом.

— Привет, Аля, — он сжимает меня так, что косточки трещат в унисон моему восторгу, потом отодвигает, держа за плечи, и медленно, с преувеличенной оценкой оглядывает с макушки до каблуков. — Выглядишь... Прямо как та самая синьорина из рекламы дорогого шоколада. Где твой личный телохранитель с томным взглядом?

— Обменяла его на пару бутылок отменного кьянти, — отмахиваюсь я, чувствуя, как по лицу разливается глупая, счастливая улыбка. — Ты как здесь оказался? Не ждала же.

— Служба доставки «Артём-экспресс» в твоём распоряжении, — он с легкостью профессионального носильщика подхватывает мой чемодан. — Ты писала про рейс. Решил, что моя Фисташка не должна блуждать в ночи одна. Мало ли.

— Обожаю тебя! — смеюсь в ответ и вприпрыжку следую за Артёмом.

Мы идем к выходу, и меня на мгновение охватывает странное, щемящее чувство. Приятное и колющее одновременно. Он ведь сам только утром вернулся из Штатов, должен бы валиться с ног от усталости, а вместо этого примчал на другой конец города, чтобы встретить меня. Эта простая,

почти братская забота заставляет что-то теплое и неловкое сжаться внутри. Я ловлю себя на мысли, что мне почему-то важно, что это именно он здесь сейчас. Но мысль эта скользит, как солнечный зайчик по воде, и тонет в предвкушении встречи с Тимофеем.

— Поедешь на вечеринку? — задаю я вопрос с максимально невинным видом, усаживаясь в пассажирское кресло его подержанного, но вылизанного до блеска джипа.

— Куда же без меня, — он фыркает, и мотор оживает низким рычанием. — Тим звал. Сулит нечто эпическое. Ты, кстати, с ним на связи?

— Нет, — признаюсь я, утыкаясь носом в холодное стекло и следя за тем, как огни города сливаются в золотистые реки. — Хочу устроить сюрприз. Появлюсь внезапно, как мираж в пустыне... Романтика же.

Артём бросает на меня быстрый, боковой взгляд. Его привычная, сияющая улыбка на мгновение гаснет, уступая место чему-то серьезному.

— Мираж... — протягивает он, и слово висит в воздухе, тяжелое и непрозрачное. — А ты уверена, что он жаждет именно миража? Может, ему и в реальности-то неплохо.

— Тёма, хватит нести чушь, — закатываю я глаза, хотя внутри что-то екает. — Ревнуешь, что ли? Признавайся.

Он покачивает головой, и маска шута моментально возвращается на место — ослепительная, беззаботная.

— Я, Фисташка, ревную тебя к утреннему кофе, к твоим

любимым дурацким сериалам и к лифту, что поднимает тебя на этаж без моего участия. Так что, да. — Смеется Артём, как обычно шутя. — Ладно, поехали. Но сначала к тебе — переоденешь этот итальянский гламур на что-то более пригодное для наших студенческих джунглей.

Мы заскакиваем в мою квартиру — пустую, пропахшую одиночеством. Я смываю с себя дорожную пыль под душем, а потом облачаюсь в то самое оружие — черное платье — короткое, с дерзким вырезом на спине, сидящее на мне с точностью гончарного изделия. Выхожу в гостиную, где Артём развалился на диване, уткнувшись в телефон.

Он поднимает глаза, и я ловлю на себе его взгляд — не шуточный, не одобрительный, а... оценивающий. Взгляд мужчины. Быстрый, как всполох молнии, и от этого не менее обжигающий.

— Ну как? — делаю я пируэт, и платье шепчет что-то дерзкое. — Сообщение понятно?

— Сообщение, — говорит он тихо, почти про себя, — звучит как объявление войны. Тим ревнивый. — И тут же, будто спохватившись, добавляет с привычной легкостью: — Только я потом в стороне постою, смотреть буду, как он бьет очередному парню морду. Сама виновата.

— Спасибо, Тём.

Дорога до загородного клуба пролетает в какофонии его баек и моего смеха. Он с юмором рассказывает, как пытался впечатлить девушку из Техаса, пока проводил лето с отцом

в США, и та с притворным ужасом, спросила, не слишком ли у нас в России холодно. Я смеюсь, поддакиваю, но внутри — мертвая, вымороженная тишина и одно сплошное напряженное ожидание. Каждый поворот, каждый встречный фонарь, мелькающий за окном, как кадр из старой пленки, — это еще один шаг, приближающий меня к Тимофею.

Мы слышим музыку, еще не видя цели. Это не просто звук — это физическое давление, глухой, мощный бас, что бьет прямо в грудь, в такт лихорадочно стучащему сердцу. Особенно, похожий на светящуюся тыкву из страшной сказки, пышет жаром и светом. Перед ним — кипящий котел жизни: силуэты, крики, клубы сигаретного дыма в воздухе.

Артём паркуется в отдалении, в кармане темноты, глушит двигатель. Внезапная тишина оглушает.

— Ну что, Фисташка, готова к выходу на сцену? — его голос звучит приглушенно, с привычной веселой ноткой.

— Более чем, — выдыхаю я, и мы выходим в ночь навстречу грохочущему безумию.

Пространство внутри дома — это иной, агрессивный и притягательный мир. Давка тел, пропитанных потом, дорогим алкоголем и сладкой, удушающей пудрой духов. Темнота, разорванная ядовито-зелеными лучами лазеров и ослепительными, режущими глаза вспышками стробоскопов. Воздух густой, тяжелый, его можно резать ножом. Меня накрывает волна паники, но я, как загипнотизированная, плыву вперед, вглядываясь в полумрак.

— Держись ближе! — Артём кричит мне прямо в ухо, его голос — всего лишь шепот в оглушительном грохоте. — Идем к бару! Там обычно тусуются наши!

Я киваю, впиваюсь пальцами в грубую ткань его рукава, как утопающий в соломинку. Мы плывем сквозь людское море, и я скольжу взглядом по незнакомым, искаженным веселым лицам, выискивая одно-единственное. Высокий, с гордой осанкой, с глазами цвета горького шоколада.

Вот знакомое лицо — Лера с экономического. Я улыбаюсь ей, а сама глазами прочесываю пространство за ее спиной. Нет. Вот Пашка, друг Тима, уже изрядно веселый. Я пробираюсь к нему, перекрикивая бит.

— Привет, Паш! Ты Тима не видел? — появляюсь напротив Крылова.

Он удивляется, но обнимает меня с пьяной душевностью, а в его глазах мелькает что-то похожее на панику.

— Альбон! Ты когда вернулась-то? А Тим... — он запинается, слишком громко смеется. — Тим где-то тут...

Из-за его спины появляется незнакомая рыжая девчонка с блестками на скулах. Она явно не в себе и рада поделиться новостью со всем миром.

— А Тимка-то уже который час на втором этаже торчит! — выпаливает она, весело подмигивая. — С той Светкой. Комнату захватили, представляешь?

Паша резко оборачивается к ней, и его лицо искажается.

— Ты че несешь! Заткнись! — Крылов отталкивает ее

плечо, потом снова смотрит на меня, и в его глазах читается отчаянная попытка все исправить. — Аля, не слушай ты эту дуру, она вообще...

Но я уже не слышу его оправданий. Слова «второй этаж», «комната», «Светка» складываются в ужасающе четкую и безобразную картину. *Мой сюрприз. Мое дурацкое, наивное платье. Мои два месяца тоски. И он... он наверху. С ней. В комнате.*

Мир не рушится с грохотом. Он просто на глазах выцветает, как старая фотография. Звуки становятся приглушенными, краски блекнут. Пашино лицо передо мной, он просто открывает и закрывает рот, но я не слышу ни звука. Мне нужно уходить отсюда. Сейчас же. Прямо сейчас. Пока я не рассыпалась в прах.

Резко оборачиваюсь, и мой взгляд, затуманенный надвигающейся паникой, натывается на Артёма. Он стоит рядом, и его лицо — каменная маска. Он все слышал. И в его глазах нет ни капли удивления. Только тяжесть. Невыносимая тяжесть. И какое-то странное, горькое понимание.

Наши взгляды сталкиваются. В его — молчаливый вопрос и полная, абсолютная готовность. А я — животное, загнанное в угол, которое ищет спасения.

Делаю шаг, впиваюсь в его руку с такой силой, будто это единственное, что удерживает меня на плаву в этом внезапно перевернувшемся мире.

— Тём... пожалуйста, отвези меня отсюда, — срывается с

моих губ хриплый шепот, и я сама не узнаю свой голос — сдавленный, надломленный, чужой.

Артём не задает вопросов. Не произносит ни слова. Он просто берет мой локоть своей твердой, уверенной рукой и резко разворачивает меня, становясь живым щитом между мной и тем, что только что уничтожило мою веру в любовь. Он прокладывает путь через толпу, без церемоний расталкивая тела, а я плетусь за ним, как кукла, не видя ничего, кроме его спины в серой толстовке. Единственной реальной, незыблемой точки в этом рухнувшем хаосе.

Мы выходим на улицу. Холодный ночной воздух обжигает легкие, как лезвие. Я глотаю его судорожными глотками, пытаюсь подавить подкатывающую тошноту, сдержать рыдания, загнать обратно крик, который рвется из горла. Артём, не замедляя шага, ведет меня к машине. Он открывает пассажирскую дверь, усаживает меня внутрь, пристегивает ремень с автоматической точностью, словно я — хрупкая стеклянная кукла, и только потом обходит капот.

Тёма садится, поворачивает ключ зажигания. Двигатель оживает с ровным урчанием. Он включает печку — я начала дрожать, мелкой, предательской дрожью, бьющей по зубам. Мы молчим. Артём не трогается с места, просто сидит, уставившись вперед на уходящую в темноту ленту асфальта. Он дает мне время, дает мне пространство, чтобы я выплеснула эмоции.

И тогда из моей груди вырывается звук. Не плачь. Не

всхлип. А короткий, надрывный, животный стон, рожденный там, в самых потаенных глубинах души. И плотину прорывает.

— На втором этаже... — вырывается у меня, слова рвутся, как клочья тумана. — В комнате... с ней... Паша пытался скрыть... Тёма... он все лето, наверное...

Я закрываю лицо ладонями, и слезы, наконец, вырываются на свободу — горячие, соленые, беспощадные. Они смыывают с меня краску наивности, пудру глупых надежд, весь тот лоск счастливой девушки, что полчаса назад ехала сюда с сюрпризом в душе и верой в сердце.

Артём молчит. Он не пытается меня обнять, не сыпет пустыми утешительными фразами. Громов просто протягивает руку через разделяющую нас консоль и накрывает мою, сжатую в бессильном кулаке на коленях, своей большой, теплой ладонью. И крепко-крепко сжимает.

2 глава.

*«Крах идеальности»
Альбина*

Полночи Артём кружит по спящему городу. Фары выхватывают из темноты пустынные проспекты, затемненные витрины, одиноких прохожих — словно призраков в желтоватом свете фонарей. Он не отвез меня домой, в стены, которые сейчас кажутся такими же предательскими, как и улыбка Тима. Не пытается начать разговор, не сыпет утешениями, которые резали бы слух своей фальшью. Он просто рядом. Дышит ровно и глубоко, и этот звук — единственная опора в рушаемся мире.

И если бы не Тёма... Если бы не его молчаливое присутствие на соседнем сиденье, не его взгляд, полный невысказанной боли за меня, — я бы сломалась. Рассыпалась, как высохшая глина.

Телефон на моих коленях — отдельное предательство. Он вспыхивал раз пять, освещая салон холодным синим светом. На экране — улыбающаяся аватарка Тима, а над ней надпись «*Любимый*», которая теперь кажется таким циничным издевательством. Я не взяла трубку. Даже думать о том, чтобы услышать его голос, — мерзко. В горле встает комок от одной этой мысли. В итоге, я с силой нажала на кнопку, и экран погас, оставив нас в тишине, нарушаемой лишь шуршанием шин по асфальту.

Но Тим не сдавался. Он звонил и Громову. Я видела, как загорался экран его телефона в держателе на торпедо. Та же настойчивость, но Артём лишь молча смотрел на дорогу, и после третьего звонка его большой палец резко нажал на боковую кнопку, отправив назойливый вызов в беззвучную пустоту. Без слов. Без комментариев. Просто — щелк. И снова тишина.

— Ты знал? — вырывается у меня вопрос, тихий и надломленный. Я не смотрю на него, уставившись в складки черного платья, которое теперь кажется мне саваном для моих наивных надежд.

Артём молчит пару секунд, слишком долгих. Слышно лишь, как он чуть сбавляет ход, перестраиваясь в другой ряд.

— Чего? — наконец переспрашивает он. Но я-то знаю этот его прием, это не из-за того, что не расслышал, Артём дает мне шанс. Шанс отступить, передумать, спросить что-то другое.

Но я не могу.

— Ты знал про Тима и Свету? — уточняю я, и голос дрожит, предательски выдавая всю мою боль.

— Ни черта я не знал! — вдруг взрывается Артём, и его кулак с силой бьет по рулю. Машина слегка уваливает влево. — Будь я проклят, Альбина, ни черта! И если бы не твое состояние, я бы ему морду набил сразу же, там, на вечеринке!

Артём дышит тяжело, зло, и впервые за всю нашу дружбу я слышу в его голосе такую чистую, неприкрытую ярость. Не притворную, не шутливую, а настоящую. И эта ярость — лучшее доказательство его правоты.

— Тём, прости, — срывается с моих губ шепот, и я сама не понимаю, за что прошу прощения. Может, за то, что усомнилась в нем. Всего на секунду. Но эта секунда кажется мне предательством. — Я знаю, что ты не врешь. Ты бы... ты бы сказал. Или на крайняк — не повез бы меня туда. Или предупредил бы Тима.

Последние слова я говорю уже совсем тихо, почти вполголоса. Потому что понимаю — да. Он бы предупредил. Не из-за какой-то мужской солидарности, а потому что заботится обо мне. Потому что не хотел бы, чтобы я оказалась в такой унижительной ситуации. Чтобы моя боль была публичной.

Артём не отвечает. Он просто снова сжимает руль от напряжения. Но его молчание — самый красноречивый ответ. Оно говорит: *«Да. Я бы тебя сберег. Как всегда»*.

— Отвези меня, пожалуйста, домой, — мой голос звучит приглушенно и устало, будто из меня вынули все батарейки. Это не просьба, а капитуляция. Единственное, чего я хочу сейчас, — исчезнуть в четырёх знакомых стенах, спрятаться от этого всевидящего, осуждающего позора.

Артём медленно поворачивается ко мне. Свет приборной панели выхватывает из полумрака его лицо — не маску весельчака, а сосредоточенное, серьезное мужское лицо с тенью тревоги в глазах.

— Ты уверена? Одна? — его вопрос висит в воздухе, тяжелый и полный непрошеной заботы. Он не просто спрашивает, он сканирует меня взглядом, проверяя, не треснула ли я окончательно.

— Да. Мне нужно одной... переварить. Принять тот факт, что мой парень оказался конченным мудаком, — я с силой откидываю волосы назад. — И что завтра в институте все будут об этом триндеть. Сплетня месяца обеспечена.

Горькая, едкая усмешка вырывается наружу. Я злюсь. Злюсь на него, на себя, на эту дуру Светку, на весь этот мерзкий, несправедливый мир.

— Как скажешь, Фисташка, — Артём сворачивает на улицу, ведущую домой. — Только обещай, что не будешь долго горевать. Или... просто скажи, и я набью ему его рожу.

В его голосе нет привычной шутки. Только стальная, холодная уверенность. От этих слов по спине бегут мурашки — не от страха, а от странного, щемящего чувства, что кто-то готов ради тебя на всё.

— Не надо, — выдыхаю я, и моя собственная улыбка оказывается кривой и уставшей. Глаза снова предательски наполняются влагой. — Хотя, чёрт возьми, как хочется... Но не хочу, чтобы вы из-за меня ругались. Не стоит он этого. Ни капли.

Не стоит. Это горькое осознание — что человек, который ещё утром был центром твоего мира, на самом деле ничего не стоит — становится последним гвоздем в крышке гроба наших отношений.

Захожу в квартиру, и дверь с глухим щелчком захлопывается за мной, будто отсекая тот мир, где я была наивной дурочкой. Бросаю ключи на тумбу — их металлический лязг одиноко отдается в тишине. Иду по коридору, не включая свет, прямиком в комнату. В ушах до сих пор гудит оглуши-

тельная музыка, но сквозь нее прорезается, как заевшая пластинка, испуганный, пьяный голос Паши: *«Аля, не слушай ты эту дуру...»*

Оставшись одна, прислоняюсь лбом к холодному стеклу окна. Готовилась к тому, что нахлынет новая волна, что буду рыдать навзрыд, биться в истерике. Но внутри — выжженная пустыня. Видимо, все слезы, вся влага из тела уже выжглись в машине, пропитав рукав Тёминой толстовки. Теперь во мне просыпается что-то иное — острое, сухое, колющее. Желание взять раскаленный скальпель и вырезать имя «Тимофей» из самого сердца, вместе с корнями, с памятью о его прикосновениях. Чтобы не осталось ничего. Чтобы никогда его больше не видеть.

Но, к сожалению, мой план самоочищения уже трещит по швам, едва успев родиться. Холодная реальность впивается в плечо своими когтями: мы учимся в одном университете. Завтра, послезавтра, через неделю мне придется видеть его. Его высокую фигуру в коридоре, его улыбку, которую он теперь дарит другим. И этот призрак нашего общего будущего, который теперь стал моим личным проклятием, уже поджидает меня у входа в главный корпус.

— Че-е-е-ерт... — протягиваю я, и этот стон, горький и бессильный, растворяется в тишине комнаты. Я заваливаюсь на кровать, как подкошенная. Пружины жалобно вздыхают, а бархатное покрывало, когда-то такое нежное, сейчас кажется колючим, будто усыпанным мелкими осколками стекла.

И вот оно, наступает. То самое время, которое не избежать этой ночью, — время самокопаний и изнурительных поисков ответов в лабиринтах собственной памяти. *Почему?* Этим вопросом я пробиваю дыру в потолке, уставившись в его белую, равнодушную гладь. *Почему Тим так поступил?*

Что я сделала не так? Чего ему не хватало? Я мысленно перебираю наши последние дни перед отъездом, как фотографии. Вот мы сидим в его машине, пахнет кофе и его одеколоном. Он держит меня за руку, его большой палец водит по моим костяшкам. Его голос, такой уверенный, такой родной: *«Не кисни там без меня. Все будет за-шиб-ись! Я же жду тебя»*. Я верила каждому слову. Верила его взгляду, темным, почти черным глазам, в которых тогда виделись только я и наше будущее.

Я в любом случае не могла остаться. Эта поездка — уникальный шанс, подарок судьбы. Языковая практика, которая нужна как воздух для моей будущей карьеры. Да и родителям было удобно — их гостиничный бизнес совпал с моими учебными планами. Все было идеально. Слишком идеально, чтобы быть правдой.

И теперь эта идеальность бьет меня по лицу ледяной волной, смывая последние следы наивной веры. Во рту стоит горький привкус обмана, такой явственный, будто я разжевала аспирин.

Все же не выдерживаю. Слезы подступают горячей, соле-

ной лавиной, сдавливая горло и вырываясь наружу глухими, надрывными рыданиями. Я с силой вжимаюсь лицом в подушку, обнимаю ее так крепко, будто это единственный оплот в рушащемся мире. Но даже в ее мягкой ткани мне чудится запах его одеколона — призрачный, предательский.

Как он мог? Этот вопрос раскаленным железом выжигает душу. Как можно было целовать так нежно, говорить такие слова, смотреть такими преданными глазами — и в это же время предавать? *Как верить людям после этого?* Как вообще подойти к кому-то, зная, что за улыбкой может скрываться такая бездонная, леденящая ложь?

Каждая слеза — это не только боль, это крушение какого-то фундаментального убеждения. Что любовь сильнее расстояния. Что слова имеют вес. Что можно доверять глазам человека, который клянется в вечной верности. *Теперь я понимаю — верить нельзя никому.* Ни словам, ни взглядам, ни нежным, страстным прикосновениям. Все это оказалось лишь декорацией, за которой пряталось настоящее, холодное и лживое лицо.

В оглушительной тишине комнаты, где слышны только мои предательские всхлипы, внезапно раздается короткий, вибрирующий звук. Телефон, лежащий рядом на одеяле, издает сигнал уведомления. На секунду сердце замирает, но тут же сжимается в комок. Это не может быть Тим. Перед тем как переступить порог, я с холодной, методичной ясностью зашла в настройки и внесла его номер в черный список.

Нажала кнопку «удалить и заблокировать» с таким ощущением, будто отрезаю часть самой себя.

Я шмыгаю носом, смахивая остатки слез тыльной стороной ладони, и нащупываю холодный корпус телефона. Экран вспыхивает, слепя в полумраке. Сообщение светится в мессенджере, и имя отправителя заставляет что-то теплое и неуверенное шевельнуться в моей ледяной пустоте.

Тёма

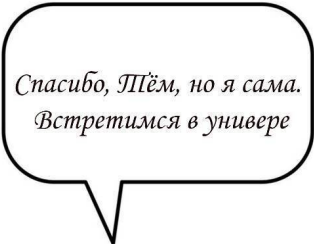

За тобой зайти утром?

И я понимаю. Хотя, нет, я это всегда знала, просто сейчас это знание обжигает своей очевидностью. *Есть человек, которому я буду верить всегда.* Даже если весь мир перевернется. Это Артём. Тот, кто всегда был рядом. С самой школы, с тех времен, когда мы делились шоколадками «Алёнка»

пополам и делали уроки вместе за одним столом у него или у меня. Он никогда не давал громких обещаний. Он просто был и есть.

Мои пальцы, еще влажные от слез, тянутся к экрану. Печатаю медленно, вытирая ладонью предательскую слезу, скатившуюся на дисплей.

*Спасибо, Тём, но я сама.
Встретимся в универе*

Отправляю. И впервые за этот вечер на моих губах появляется что-то, отдаленно напоминающее улыбку. Слабую, уставшую, но настоящую. Потому что завтра, каким бы страшным оно ни было, я знаю — в университете будет Тёма, моя поддержка и опора. И этого пока достаточно.

3 глава.

*«Привкус лжи»
Альбина*

Утром я впопыхах собираюсь на учебу, движения резкие, почти механические. Зубная щетка, крем, расческа — все делаю на автомате, пока мозг отчаянно бубнит одно: *«Не хочу. Никуда не хочу»*. В горле стоит комок, а веки тяжелые, будто присыпанные пеплом.

Но если я спрячусь от всего мира в этой квартире, закурюсь здесь, как в склепе, это будет означать мое полное поражение. Не могу позволить им наслаждаться моей болью, смаковать каждую мою слезу. Я знаю, многие определенно

ждут, когда я сломаюсь и дам им повод для новых сплетен.

Смотрю на время — до начала лекции еще целый час. До института идти минут десять неспешным шагом. Решаю прогуляться до кофейни на углу. Может, хоть глоток кофе прогонит эту свинцовую тяжесть и поможет собраться.

Подхожу к зеркалу в прихожей и критически оглядываю себя: темные джинсы, простой свитер, волосы собраны в небрежный хвост. Вроде, неплохо. Во всяком случае, слой консилера справился с фиолетовыми синяками под глазами, и теперь не видно, что полночи я ревела в подушку. Лицо спокойное, идеальная маска.

С глубоким вдохом, как ныряльщик перед прыжком в холодную воду, открываю дверь. Делаю шаг в прохладный, пахнущий пылью подъезд, но внезапно — резкое движение, смутная тень, перекрывающая свет. Я даже не успеваю осознать, что случилось, как чья-то сильная рука хватает меня, с силой заталкивая обратно в квартиру. Спинай я с глухим стуком ударяюсь о косяк двери.

Поднимаю голову, и дыхание перехватывает. Передо мной, перекрывая выход, стоит Тим. Его лицо искажено не просто злостью — оно разъяренно до предела, глаза горят темным, почти черным огнем.

Мозг отказывается работать. Я не подумала, не просчитала этот вариант — что Ковалёв вообще посмеет заявиться ко мне. После вчерашнего. *После всего.* Инстинктивно отшатыраюсь от него, как от раскаленного железа, спина упирается

в стену. Я вообще не понимаю, откуда у него хватает наглости, какой-то звериной наглости, стоять на пороге моего дома и смотреть на меня.

— Альбина, — его голос тихий, но в этой тишине слышится стальная пружина, готовая сорваться. — Если ты сейчас же мне не объяснишь, что за хрень ты вчера устроила, я тебя накажу.

Я хлопаю ресницами, как пойманная в свете фар крольчиха, не веря своим ушам. Он что, серьезно? «Накажу»? Словно я его непослушная собственность? Внутри что-то щелкает — не страх, нет. Холодная, яростная волна. Прищуриваю глаза, делаю шаг вперед, нарушая его личное пространство. Он не ожидает этого, и в его глазах мелькает легкое удивление. Резко замахиваюсь и бью его по щеке что есть силы. Звук пощечины — сухой, звонкий, как выстрел, — оглушает тишину прихожей.

— Проваливай, придурок! — произношу сипло, но твёрдо.

Но Тимофей не теряется. Он не отступает. На его лице застывает маска холодной ярости. Ковалёв двигается с пугающей быстротой: одной рукой, как капканом, хватая меня за запястье, резко дергает на себя, лишая равновесия. Вторая рука, сильная и неумолимая, обвивает мою талию, прижимая. Я пытаюсь вырваться, оттолкнуть Тима, но он сильнее.

— Хватит истерить, давай поговорим, — просит Тимофей, но я не унимаюсь — продолжаю брыкаться.

Взгляд Тима, темный и бездонный, на секунду приближается, и, прежде чем я успеваю крикнуть, его губы грубо прижимаются к моим.

Его губы жгут, как раскалённый металл, и тело предательски вспоминает всё: ту тоску, что охватывала всё лето, те ночные разговоры, когда его голос был единственным якорем. Я забываюсь. На две, может три, проклятые секунды я растворяюсь в этом поцелуе, как когда-то. Ведь я так ждала этого. Ждала каждый день вдали от дома.

Но тут же, будто удар хлыстом, в мозгу вспыхивают картинки вчерашней ночи: пьяное лицо Паши, фраза про Светку, каменная маска Артёма. В горле подкатывает ком омерзения. Собираю всю свою волю в кулак и с силой, отчаянной, рожденной из самой глубины преданной души, отталкиваю Ковалёва от себя.

— Убирайся! — толкаю его ещё раз, в грудь, и он, не ожидая такой ярости, спотыкается и оказывается за порогом моей квартиры.

Смотрю ему в глаза — *в эти когда-то любимые, а теперь чужие и пугающие глаза* — и с нескрываемым омерзением, чувствуя на губах привкус его лжи и наглости, вытираю рот тыльной стороной ладони. Жест резкий, почти истеричный. Затем, не дав ему вымолвить и слова, со всей силы захлопываю дверь.

На меня накатывает волна истерики — горячей, удушающей, сбивающей с ног. Комок подкатывает к горлу, а в вис-

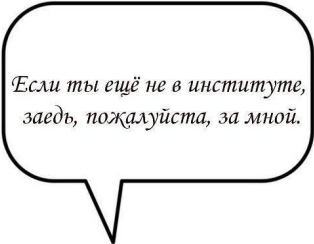
ках стучит кровь. В это же время Тим начинает яростно тарбанить в дверь, его кулаки обрушиваются на дерево с глухим, рвущим душу стуком.

— Альбина! Открой, чёрт возьми! Давай поговорим! — его голос за дверью кажется чужим, искаженным злостью.

Прижимаю ладони к ушам, зажмуриваюсь, пытаюсь отгородиться от этого кошмара. Но спустя несколько секунд его крики затихают, а тяжёлые шаги медленно удаляются по лестничной площадке. Ушёл. Но эта мысль не приносит облегчения — лишь оставляет за собой ледяную, звенящую пустоту.

Я думала, что смогу быть сильной. Что смогу смотреть ему в глаза с холодным презрением, что моя гордость не позволит мне сломаться. Но сейчас, прислонившись спиной к двери и медленно сползая на пол, я чувствую, как трескается та самая хрупкая скорлупа силы, которую я так старалась выстроить. И понимаю: единственный, кто может меня спасти от этого обвала, — это Артём. *Только он.*

Дрожащими, непослушными пальцами достаю телефон из кармана джинсов. Экран расплывается перед глазами от слёз. Слепым движением пальца нахожу его имя в списке контактов и, с трудом попадая по буквам, печатаю сообщение:

*Если ты ещё не в институте,
заедь, пожалуйста, за мной.*

Отправляю. И просто сижу на холодном полу в прихожей, прижав телефон к груди, в ожидании друга.

4 глава.

*«Испытание на прочность»
Альбина*

Время теряет всякий смысл. Я сижу на холодном полу в прихожей, обняв колени, и просто пытаюсь дышать. Глаза горят, в висках стучит. Кажется, прошла целая вечность, а, может, всего пять минут — я не могу понять.

Резкий, настойчивый звонок врывается в оглушительную тишину и заставляет меня вздрогнуть всем телом. Сердце замирает, а потом срывается в бешеную, паническую гонку. Неужели это Тим? *Снова?* Неужели ему мало того унижения, через которое он меня провел? Чтобы прийти сюда, к моей

двери, как будто ничего не случилось...

Сердце готово выпрыгнуть из груди. Ноги ватные, подкашиваются, но я заставляю себя подняться и на цыпочках, затаив дыхание, робко смотрю в глазок. И вижу Тёму. Одна рука засунута в карман джинсов, а другой он нервно проводит по своим темным волосам. Он тут — *мое спасение*.

Выдох облегчения, о котором я даже не подозревала, вырывается из груди, и я рывком открываю дверь, и наша встреча — это не просто взгляды. Это — молчаливый крик. Его глаза, такие ясные и обычно смеющиеся, теперь — два омата тревоги. Он впивается в меня взглядом, выискивая боль, проверяя, на шатких ли я ногах.

И тогда, без единого слова, Артём переступает порог. Гро-мов не просто заходит — он врывается в мое пространство, в мою боль. Дверь захлопывается, и он, не говоря ни слова, притягивает меня к себе так крепко, словно пытается собрать воедино все мои разбитые частички. Его объятия — не просто объятия. Это крепость. *Это молчаливое «я с тобой»*. И я, наконец, позволяю себе обмякнуть и просто дышать, впитывая его тепло и запах — запах дома.

— Фисташка, если ты не успокоишься и не расскажешь, что случилось, я поеду к Тиму, — его голос, низкий и сдавленный, будто вырывается сквозь стиснутые зубы.

Артём зол. Не пустыми угрозами, а глубокой, холодной яростью, что клокочет у него внутри, едва сдерживаемая силой воли. Он дышит тяжело и резко, его грудь сильно взды-

мается под толстовкой. Он явно изо всех сил пытается не сорваться на меня, не напугать еще сильнее, но его терпение на исходе.

Я медленно поднимаю голову, отрывая мокрое от слез лицо от его плеча, и встречаюсь с его взглядом. И замираю. Безмятежные голубые глаза теперь — две бури, метаящие молнии. Скулы напряжены, а челюсть сжата. Вся поза, каждый мускул кричит о сдерживаемой, кипящей ярости, готовой в любой миг вырваться наружу.

Делаю глубокий, прерывистый вдох, пытаюсь прогнать остатки дрожи. Выдох. Еще раз, и постепенно легкие возвращаются в привычный ритм. Аккуратно выпутываюсь из объятий Громова — его руки разжимаются нехотя, будто отпускают самое хрупкое сокровище. Подхожу к зеркалу в прихожей и пристально изучаю свое отражение: глаза чуть припухли, но не критично, лишь придают взгляду влажную глубину. Спасибо стойкой туши и тональному крему — макияж почти безупречен, лишь легкая размытая полоска под нижними ресницами выдает недавнюю бурю.

— Давай по пути в универ расскажу? — предлагаю я, поворачиваясь к Тёме и натягиваю на лицо слабую, но решительную улыбку. Она дается с трудом, но держится. — Я не собираюсь пропускать лекции из-за мудака и его свиты. Не дам им такого удовольствия.

Уголок его губ дрогнул, в глазах мелькнуло одобрение, смешанное с тревогой.

— Мне твой настрой, конечно, нравится, — говорит он, голос все еще низкий от невысказанной ярости, — но ты уверена? Прямо вот абсолютно?

— Абсолютно. — Мои шаги по паркету уверены. Останавливаюсь прямо перед Громовым, поднимаю взгляд. — И, Тём, — заглядываю в его глаза, в которых буря уже улеглась, уступив место знакомому, согревающему душу теплу, — спасибо. Что приехал.

Артём замирает. Он медленно наклоняет голову, и его взгляд становится таким пристальным, таким бездонным, что я будто тону в этих голубых озерах. Он смотрит на меня несколько долгих секунд, не моргая, словно читая самую потаенную страницу моей души. А после произносит тихо, хрипловатым голосом, от которого по коже бегут предательские, щекочущие мурашки:

— Фисташка, я всегда приеду. *Всегда.* Стоит только позвать.

Тишина становится густой, плотной, наполненной тысячью невысказанных слов. Мы смотрим друг на друга так неприлично долго, что воздух начинает казаться осязаемым. Это совсем не похоже на наши обычные дружеские взгляды — в них теперь вибрирует что-то трепетное и опасное.

Взгляд Артёма тяжелеет, становится пристальным. Он медленно скользит по моему лицу — от наполненных слезами глаз к губам, задерживается на них на мгновение дольше положенного, и снова возвращается к глазам.

— Я сейчас снова расплачусь, Тём, — вырывается у меня сдавленный шепот, и я шутливо бью его в плечо кулаком, пытаюсь разрядить натянувшуюся до предела струну между нами.

Он ловит мою руку, его пальцы на мгновение сжимаются вокруг моего запястья, но тут же отпускают.

— Зато ты улыбнулась, — его губы трогает едва заметная улыбка. — Уже прогресс. Ладно, пошли, а то опоздаем.

— Я поговорю с ним, — слова Артёма режут тишину в салоне, когда он резко глушит двигатель на заливной солнцем парковке у университета.

— Не надо, — мой голос тихий, почти шепот. Я смотрю в окно на бегущих студентов, но вижу только размытые пятна. — Я просто не могу понять одного... Зачем так ждать встречи? Писать каждый день, что скучаешь... а в это время... —

голос срывается, в горле снова подкатывает горячий ком, но я сжимаю кулаки, не позволяя слезам вырваться.

— Аля... — рука Артёма тянется ко мне, но замирает в сантиметре от плеча.

— Не надо, Тём, не надо его выгораживать! — резко поворачиваюсь к нему. — Я знаю, что ты сейчас начнешь говорить, мол, он был пьян, или это случайность, или... — я отмахиваюсь, и моя рука описывает в воздухе нервную траекторию. — Вы ведь друзья...

— Я и не собирался, — бросает Тёма через плечо, резко вылезая из салона.

Готова стукнуть себя по лбу. Вот опять — эта дурацкая, истеричная черта в моем характере вырвалась наружу. Снова я вспылила и сорвалась на единственном человеке, который сейчас рядом. Нельзя так. Нужно дышать глубже, нужно быть сдержаннее.

Делаю глубокий вдох и выхожу на улицу. Подхожу к Громову, который прислонился к капоту, скрестив руки. Он уже успокоился, и на его лице даже играет легкая, знакомая улыбка.

— Ну что, Фисташка, сколько у тебя пар? — он легко закидывает руку мне на плечи, и его теплое, тяжелое прикосновение заставляет чуть расслабиться. Приобняв, он направляется к зданию института.

— Три, — вымученно произношу я, и в этот момент ловлю на себе цепкий взгляд Паши и его компании, стоящей

неподалеку.

Мы с Тёмой приближаемся к ним. Парни обмениваются кивками, крепкими рукопожатиями, парой фраз. Но все мое существо ощущает другое — колючее, неотрывное внимание женской половины их компании. На мне будто выжгли клеймо «брошенка», и теперь каждая пара глаз, полная любопытства и скрытого злорадства, изучает меня под невидимым микроскопом, стремясь разглядеть каждую трещинку на моем показном спокойствии.

— У тебя как дела, Альбон? — обращается ко мне Паша, делая вид, что ничего не случилось. Его улыбка слишком широка, глаза бегают, и весь он — сплошное наигранное простодушие.

— Не называй меня так, — фыркаю я, чувствуя, как закипает раздражение. Меня передергивает от этого фальшивого панибратства. — Вообще-то, дела получше, чем у некоторых, — бросаю через плечо, на мгновение задерживая на Пашке ледяной, полный презрения взгляд, чтобы каждый уловил двусмысленность.

Я держусь на удивление уверенно, спина прямая, подбородок высоко. Хотя еще дома, я думала, что не смогу и двух слов связать при встрече. Но сейчас во мне горит какой-то новый — холодный огонь.

— Я пойду, — поворачиваюсь к рядом стоящему Грому. Он наблюдает за происходящим, и на его лице играет та самая, особенная улыбка — с легкой хитринкой в уголках

губ и одобрением в лучистых глазах. Я абсолютно уверена — он гордится мной. Тем, что я не мямлю, не опускаю глаз, не веду себя как маленькая истеричка.

— Окей, — произносит Тёма. Он подмигивает мне, коротко, по-свойски, и в этом жесте он говорит: «*молодец, Фи-сташка*», «*все правильно*», «*я с тобой*». Обменявшись с ним взглядами, я разворачиваюсь и захожу в здание универа, чувствуя за спиной его поддержку.

Иду по коридору к нужной аудитории, и внутри потихоньку расцветает облегчение. Слава богу, не было Тима внизу. Надеюсь, он вообще сегодня не появится в институте. Хотя... если честно, было бы даже замечательно его встретить — врезать ему по-настоящему, не как в прихожей, а так, чтобы запомнил.

В коридоре многолюдно, все куда-то спешат, сталкиваются плечами, смеются. Я поднимаюсь на нужный этаж, пробираюсь сквозь шумную толпу, но внезапно чьи-то сильные руки хватают меня сзади, как пушинку, и почти без усилий затаскивают в пустую аудиторию. Дверь с глухим стуком захлопывается.

Меня начинает раздирать от этой внезапности. И тут же в нос ударяет знакомый, *до тошноты родной* запах духов Тимофея, теперь вызывающий лишь рвотный спазм. Резко поворачиваю голову и впиваюсь взглядом в него. Тим прижимает меня к себе спиной, его руки сковывают как стальные обручи.

— Отпусти! — шиплю я, резко дергаясь в его руках, пытаюсь вырваться.

Он послушно разжимает объятия и ставит меня на ноги, но тут же занимает позицию у двери, превращаясь в живую преграду, отрезая мне путь к отступлению. Его лицо напряжено, в глазах — смесь злости и решимости.

— Мы поговорим, и ты перестанешь себя так вести! — его голос громко раскатывается по пустому кабинету.

— О чем поговорим? — вырывается у меня, голос дрожит от ярости. — О том, в каких позах ты с той дрянью трахался?

— О том, что ты не так все поняла, — сквозь зубы произносит он и делает два резких шага вперед.

Я отступаю, ягодицами упираюсь в край парты. Еще мгновение — и я оказываюсь в ловушке, зажатой между столом и его разгневанным телом. Воздух накаляется до предела.

— Я расскажу тебе все, — голос Тима становится низким, интимным, он наклоняется так близко, что я чувствую тепло его дыхания на своей коже. — А потом мы поговорим о том, в каких позах ты будешь каяться за свое поведение... — На губах расцветает соблазнительная, многообещающая ухмылка, которая раньше заставляла мое сердце биться чаще. Теперь же она кажется мне оскалом хищника.

Твою мать!

В ушах стоит оглушительный звон, заливающий все остальные звуки. Воздух в пустой аудитории становится густым, как сироп, и обжигающе-тяжелым — каждый вдох да-

ется с трудом, словно легкие наполняются не кислородом, а пылью. Это не просто наглость — это откровенное, циничное издевательство. Это плевок в самую душу, прикрытый сладкой, ядовитой оберткой былой страсти.

Во рту поднимается горький, медный привкус тошноты. Пальцы непроизвольно сжимаются в бессильные кулаки, и я чувствую, как острые ногти впиваются во влажные ладони. Тим до сих пор считает, что может вертеть мной, как старой, привычной игрушкой, которую достаточно встряхнуть, — и она снова зажурчит ему в унисон.

И самое ужасное... Тимофей умело это делает. Его слова, этот тон, эта ухмылка — все это оттачивалось временем, чтобы идеально попадать в мои самые уязвимые струны. И они до сих пор вибрируют от его прикосновений, предательски отзываясь эхом прошедшей близости, смешанным с острой болью предательства.

5 глава.

*«Два полюса»
Альбина*

— Ненормальный, что ты несёшь? — вырывается у меня, и я с силой толкаю его в грудь, чтобы отодвинуть, чтобы вдохнуть воздух, не наполненный его предательским запахом.

— Аль, давай поговорим уже нормально? — Тимофей делает шаг назад, поднимая руки в умиротворяющем жесте, но в его глазах по-прежнему пляшут стайки чертиков. Он не пытается сократить дистанцию снова, и это хоть как-то позволяет мне думать.

— Говори, — бросаю я коротко, скрестив руки на груди, словно панцирем защищая свое искалеченное сердце.

Пусть уже выложит все, что задумал, и я, наконец, смогу уйти на пары. Находиться рядом с ним — все равно что ходить по битому стеклу. Одна часть меня, предательская и ноющая, тянется к нему, вспоминая ту тоску, что разъедала изнутри все лето, а другая, холодная и яростная, кричит бежать без оглядки.

— Мне Паша рассказал, что произошло. Но какого хрена ты просто уехала? — его голос звучит искренне возмущенно, будто это я совершила какую-то дикость.

Я фыркаю, и горькая усмешка вырывается наружу.

— Ты правда того, — верчу пальцем у виска, чувствуя, как гнев закипает во мне с новой силой, — мне нужно было присоединиться к вашему увлекательному времяпрепровождению или побыть тактичной зрительницей? — голос срывается на высокой ноте, и пальцы сами сжимаются в кулаки. Так и хочется снова врезать ему по этой наглой, красивой морде.

— Присоединиться, — внезапно усмехается он. Я уже открываю рот, чтобы послать его куда подальше, но он резко продолжает, не давая мне и слова вставить: — Мы действительно были со Светой на втором этаже, — от этих слов внутри все сжимается в ледяной ком, и мир снова теряет краски, — но там еще были Яна, Маша и Илья, — Ковалёв делает паузу, внимательно следя, как эта информация отпечатывается на моем лице. А я просто стою, пытаюсь переварить

услышанное, чувствуя, как почва уходит из-под ног. — Света поругалась с каким-то пацаном, с которым замутила на летних каникулах, а сейчас он ее шантажирует интимками. Меня попросил Илья помочь. Мне, правда, нет дела, и я совсем не хотел разбираться в этом дерьме. А Юля тупоголовая напилась и несла какой-то бред, в который ты, моя хорошая, поверила.

Тимофей замолкает, но напряжение с его плеч не уходит. Он все также зол, его скулы напряжены. А я остаюсь стоять, переваривая информацию, чувствуя, как в голове все смешалось в один клубок недоверия и слабой, предательской надежды. Возможно, это правда, и мой мир только что перевернулся с ног на голову. А возможно, он просто врет с таким мастерством, что я снова готова поверить, лишь бы снова увидеть в его глазах ту самую — обещанную любовь. И этот внутренний раздрай терзает меня сильнее любой ярости.

— Поэтому давай ты поцелуешь меня, *и я тебя прощу*, — его слова, будто обухом по голове, вырывают меня из клубка размышлений. Я удивленно поднимаю на него глаза, чувствуя, как внутри всё замирает.

«*Прощу?*» — эхом отзывается в висках. Мастерски. Он просто мастерски вывернул всё так, что виновницей торжества стала я.

— Нет, — произношу я на удивление спокойно, хотя по всему телу бегут мурашки от возмущения. — Ты думаешь, я поверю в этот бред? Серьёзно? — мой голос звучит тише, но

от этого лишь ядовитее. — Света всегда тебя глазами пожирала, я совсем не удивлена, если она просто воспользовалась моментом моего отсутствия.

Лицо Тимофея искажается. Ему явно не нравится то, что он слышит. Он сжимает челюсть так, что желваки на скулах ходуном ходят, а в глазах вспыхивает огонь раздражения.

— Пошли, спросим у них, — внезапно выпаливаю я, пойманная порывом. Пусть посмотрят мне в глаза.

— Не носи чушь, все уже разошлись по парам, — отмахивается Тим, с раздражением закатывая глаза, будто я предлагаю нечто совершенно абсурдное.

— Не думаю, — парирую я, бросая взгляд на настенные часы. Стрелки будто замедлили ход. — До начала еще три минуты. Успеем. *Или ты боишься?* — опускаю взгляд обратно на него, вкладывая в последнюю фразу лёгкий, но оттого лишь более колкий намёк.

— Потом поговорим, — его голос становится ниже, в нём слышится предупреждение. — Аля, не усугубляй ситуацию.

Я стою в лёгком шоке, не отрывая от него взгляда. Он всё такой же — черты лица, от которых когда-то перехватывало дыхание, взгляд, в котором я тонула. Но сейчас между нами выросла невидимая, но прочная стена. Не из-за той дурочки Юли или Светки. А из-за этого тона, этих уверток, этого нежелания разрешить всё здесь и сейчас. Что-то внутри кричит, что верить нельзя. Даже если раньше не было поводов для ревности, сейчас этот внутренний голос сопротивляется,

не дает сдаться.

— Я на пару, а то опоздаю, — говорю я твердо, и, не дав ему возможности возразить, резко проскальзываю мимо него в шумный, наполненный жизнью коридор.

Мне нужно побыть одной. Всё обдумать. Переварить эту кашу из оправданий, обвинений и нестыковок. И, конечно же, поговорить с ребятами. *Правда всегда всплывает.*

Все пары я провела в странном полубреду. Мысли скачут, как сумасшедшие обезьянки: «*А что, если он говорит правду?*» Я сама нафантазировала, сама обиделась, проигнорировала его, даже ударила... *Я истеричка?*». Но следом накатывает холодная, трезвая волна: «*А если он врет? Если это просто красивая, продуманная ложь, чтобы выгородить себя? Тогда я все сделала правильно. Тогда мои действия оправданы!*».

Голова идет кругом, словно я выпила литр энергетика. Мне отчаянно нужна Лиля. Моя лучшая подруга, мой личный психолог и генератор здравого смысла, которая, к моему несчастью, сейчас в Москве и прилетит только через несколько дней. Сообщать о таком по телефону — бессмысленно. Лиля очень эмоциональная, начнет волноваться. Нет, уж лучше дождаться ее возвращения и все рассказать при встрече, с вином и шоколадом.

Последняя пара наконец-то подошла к концу. Выхожу из университета, и осенний воздух, прохладный и влажный, бодряще щиплет щеки. И сразу же замечаю нужную мне компанию, кучкующихся у старого дуба. Среди них стоит Тёма, и его лицо озаряется теплой, узнаваемой улыбкой, едва он замечает меня.

Подхожу к ребятам, бегло скользя взглядом по лицам. Ни Яны, ни Маши, и уж тем более Светки здесь нет. Только Илья, который заметно напрягся и притих, стоило мне приблизиться, уставившись в свой телефон с неестественным интересом.

— Ты домой? — перекрывая общий гомон, спрашивает Тёма, по-свойски закидывая мне на плечо руку. Этот привычный, дружеский жест на мгновение возвращает ощущение нормальности.

— Да, а ты? — отвечаю я ему, но взгляд мой пристально сверлит Илью, пытаюсь поймать его глаза. Но остальным ребятам, похоже, нет до нас никакого дела — они бурно об-

суждают вчерашний матч.

— Конечно! Но, я тебя украду, а потом отвезу домой, — произносит Тёма, заговорщицки подмигивая. В его глазах — обещание какого-то маленького приключения, которое так нужно после этого кошмарного дня.

— Куда это ты собрался похитить *мою девушку*? — создаётся властный, знакомый голос. Спустя пару секунд Тим обходит нас и встает напротив, его взгляд — скользкий и оценивающий — медленно ползет по мне, а затем переходит на Тёму, на его руку, лежащую на моем плече.

Я чувствую, как мышцы Громова под одеждой мгновенно напрягаются, становясь каменными. Черт, я же ему не рассказала еще про утренний разговор!

— Знаешь, Ковалёв, некоторые вещи нужно заслужить. Например, *право называть её своей*. А ты, кажется, вчера свой шанс упустил, — парирует Артём, и его голос звучит на удивление ровно и спокойно.

Воздух застывает, и на мгновение мне кажется, что все вокруг замедлилось. Эти слова попадают прямо в душу, задевая какую-то важную струну. «Заслужить». Да. Именно этого не хватало — не оправданий, не обещаний, а простого понимания, что я заслуживаю большего, чем полуправды и оправдания в пустой аудитории. И то, как Тёма это говорит, заставляет сердце биться чаще.

— Тим, по-моему, мы еще ничего не решили, — резко вступаю я, чувствуя, как воздух наэлектризовывается. Иначе

эти два быка сейчас столкнутся лбами прямо здесь, на глазах у всей компании.

— Вот Илья, — Ковалёв кивает в сторону своего друга, который явно хочет провалиться сквозь землю. — Ты же хотела у него спросить. Действуй.

— Подговорил? — вскидываю бровь и смотрю на Тима с открытым вызовом, сужая глаза. Мне противна эта его манера все инсценировать и дергать за ниточки.

— Ты угадала, — огрызается Тимофей. Его взгляд, тяжелый и пристальный, скользит по моему лицу, задерживается на губах, а затем медленно опускается на руку Тёмы, которая по-прежнему лежит на моем плече.

— Тогда и смысла спрашивать нет, — кривлю губы в язвительной усмешке. Все это уже выглядит как плохо сыгранный спектакль.

Артём стоит неподвижно, и лишь легкая дрожь в скуле выдает колоссальное напряжение, сковывающее тело. Его взгляд ясный и открытый, превратился в две стальные пластины, холодные и непроницаемые. Он смотрит на Тима не как на друга, а как на препятствие. Досадную помеху, которую нужно устранить с пути, не запачкав рук.

Тим дышит тяжело и прерывисто, словно только что пробежал стометровку. Его скулы ходят ходуном, а в темных, почти черных, глазах бушует настоящий ураган из ярости, злости и оскорбленного самолюбия. Он пытается прожечь Артёма этим взглядом, вернуть себе утраченное преимуще-

ство, но наталкивается на непробиваемую стену равнодушия, что злит его еще сильнее.

Их тела говорят громче любых слов: рука Артёма на моем плече остается неподвижной и твердой, как скала. Не собственнический жест, а молчаливое заявление: я здесь, и я никуда не уйду. Тим подается всем корпусом вперед, его пальцы непроизвольно сжимаются в кулаки. Каждый мускул напряжен до предела, готовый в любую секунду сорваться с места.

А между ними витают все невысказанные слова, все обвинения и злость. Я буквально чувствую их кожей — два противоположных заряда, готовых вспыхнуть в любой момент.

От Артёма исходит холодная, неумолимая волна: *«Ты недостойн её. Недостойн её слез, доверия, любви. Ты всё променял на дешевую интрижку, а теперь имеешь наглость требовать её назад? Нет уж. Твоё время вышло»*. Эта мысль висит в воздухе чётко и ясно.

А от Тима бьёт горячий, яростный поток: *«Кто ты такой, чтобы меня судить? Кто дал тебе право стоять между нами? Она была моей, будет моей! Я всё верну, заставлю её забыть эту ночь!»*Его молчаливый крик обжигает, в нём столько отчаянной, слепой уверенности, что у меня перехватывает дыхание.

Тишина гудит в ушах, оглушая своей гнетущей плотностью. В этой звенящей пустоте звуки обретают болезненную четкость.

Слышу, как Тим дышит — часто, с легким присвистом на вдохе, будто ему не хватает воздуха. Его дыхание прерывистое, неровное, выдает внутреннюю бурю.

А рядом — ровные, размеренные вдохи Артёма. Спокойные и глубокие, будто он медитирует. Эта разница сводит с ума — будто слушаю два разных сердечных ритма: один бешеный, отчаянный, готовый сорваться в тахикардию, другой — холодный и неумолимый, как метроном.

Но самое страшное — будто слышу стук их сердец. Сердце Тима — яростное, необузданное, бьющееся где-то в горле. А сердце Артёма — отмеряет удары с пугающей точностью, каждый удар отдается в моих висках эхом.

Эта тишина становится невыносимой. Хочется крикнуть, разорвать ее, чтобы прекратить этот немой диалог, где каждое молчаливое слово бьет сильнее любого крика.

Они замирают в этом немом поединке, где оружием становится не физическая сила, а воля. И пока перевес явно на стороне Артёма — его ледяное спокойствие лишь распаляет Тима, заставляя того терять последние крупницы самообладания. Еще мгновение — и чаша терпения переполнится. Тогда последствия станут необратимыми.

— Тём, ты едешь? — поворачиваюсь к Громову, прерывая их битву, всем видом показывая, что разговор с Тимофеем для меня окончен.

6 глава.

*«Переагрузка»
Львина*

— Тём, ты едешь? — поворачиваюсь к Громову, прерывая их битву, всем видом показывая, что разговор с Тимофеем для меня окончен.

Артём медленно, будто нехотя, отрывает взгляд от Тима. В его глазах еще плещется остаточная стальная волна, но, когда он поворачивается ко мне, она тает, сменяясь теплым, безоблачным спокойствием. Уголки его губ ползут вверх, вырисовывая ту самую, знакомую до боли улыбку — ту, что всегда была моим личным противоядием от всех бед.

— Еду, Фисташка, еду, — произносит он и, развернувшись, мы уходим.

Садимся в машину. Дверь захлопывается с глухим, изолирующим звуком, отсекая тот мир, где остались боль, недосказанности и взгляд Тима, полный ярости. Артём поворачивает ключ зажигания, и мотор оживает с ровным, утробным урчанием — этот звук почему-то всегда успокаивал меня. Он плавно трогается с места, и универ с парковкой начинают уплывать за стеклом, словно кадры из чужого кино.

— Куда поедем? — интересуюсь я у Громова, глядя, как солнечные зайчики пляшут на торпедо.

Артём поворачивает голову, и в его глазах — озорные искорки.

— Хочешь, чтобы ветер выдул из головы всю дурь? — спрашивает он. — Поехали на набережную. Помнишь, как в десятом классе я учил тебя на роликах кататься?

Сердце неожиданно ёкает от этого воспоминания. Я тогда дважды упала ему на руки, а он делал вид, что чуть не рухнул вместе со мной, просто чтобы я не смущалась.

— Да-а-а!

Через двадцать минут мы уже стоим на залитой солнцем набережной. Артём достаёт из багажника две пары роликов — мои старые, с розовыми полосками, и свои, профессиональные.

— Ты что, их все эти годы хранил? — не веря своим глазам, касаюсь пальцами знакомых ребристых колёс.

— Ага, — хрипит он, затягивая шнурки на моих коньках так же бережно, как тогда, в мои школьные годы. — Знал же, что пригодятся.

Когда Артём поднимает голову, наши взгляды встречаются, и в его глазах я читаю то же, что и несколько лет назад. *«Я не дам тебе упасть. Никогда».*

Первый толчок — и вот я уже лечу вдоль реки, чувствуя, как ветер срывает с губ горький привкус сегодняшнего утра. Артём легко догоняет меня, двигаясь с грацией большого хищника.

— Не забыла, как тормозить? — кричит он мне на ходу, и его голос тонет в шуме ветра.

— Забыла! — честно кричу в ответ, и мы оба смеемся, как сумасшедшие. — Кажется, я помню, только как падать.

Он ловит меня за руку, и его сильная ладонь становится моим якорем.

— Тогда просто держись за меня, Фисташка.

И я держусь. Летим вдвоём, обгоняя прохожих и голубей. С каждым толчком, с каждым взмахом руки я чувствую, как тяжелый камень на душе становится всё меньше и легче. Вот он, тот самый ветер свободы, что может сдуть любую боль. Нужно лишь найти того, кто подарит тебе эти крылья.

В этот момент на пути возникает стайка голубей. Я издаю писк и совершаю замысловатый маневр, больше похожий на танец балерины после трёх стаканов шампанского. Артём ловко хватается за талию, не давая исполнить ле-

бединое озеро на асфальте.

— Так, это уже даже не «почти упала», это «сотворение современного искусства», — смеётся он, продолжая поддерживать меня.

— Молчи! — фыркаю я, но сама не могу сдержать улыбку.
— Просто я добавляю элементу неожиданности!

— Элементу чего? — он приподнимает бровь, пока мы медленно катимся дальше, и его рука по-прежнему лежит у меня на талии.

— Совершенства! — вызывающе заявляю я, наконец нанося равновесие.

Мы продолжаем кататься, и с каждым метром мои движения становятся увереннее. Ветер треплет волосы, смывая остатки грусти, а смех Артёма звучит как лучшая музыка.

Уставшие и запыхавшиеся, мы останавливаемся у разноцветного киоска, который словно сошел со страниц детской книжки. Его сине-белые полосы выгорели на солнце, но от этого он кажется еще уютнее. В воздухе витает сладковатый запах вафельных стаканчиков, смешанный с ароматом свежемолотого кофе из соседнего кафе.

Артём вытирает лоб тыльной стороной ладони, его волосы взъерошены, а на щеках играет здоровый румянец.

— Кажется, я вспомнил все мышцы, о которых успел забыть, — хрипит Тёма, но глаза смеются. — Твои трюки на роликах того стоили.

Я показываю ему язык и подъезжаю к окошку, за которым

выстроились ряды ярких металлических контейнеров с мороженым. Фисташковое манит нежным зеленым оттенком, клубничное переливается розовым перламутром, а шоколадное выглядит как темный бархат.

— Мне вот это, это и вот то! — тычу пальцем в три разных контейнера, чувствуя себя снова семнадцатилетней девочкой.

Продавщица с теплой улыбкой наполняет мой стаканчик, и он превращается в радугу из кремово-белого, шоколадно-коричневого и малинового. Артём заказывает себе классическое эскимо в шоколадной глазури, и когда он откусывает первый кусок, хруст разносится по всей набережной.

Мы находим свободную скамейку с видом на реку. Садимся так близко, что наши плечи соприкасаются. Первая ложка моего мороженого тает во рту, холодная и невероятно сладкая. Я закрываю глаза от наслаждения, и весь сегодняшний день — утренний кошмар, напряжение в университете, гневные взгляды Тима — отступает, растворяясь в этой прохладной сладости.

— Ну как, твоя радуга в стаканчике оправдала ожидания? — голос Артёма звучит тихо и спокойно, сливаясь с шепотом города.

Поднимаю на него глаза, чувствуя, как по губам расплывается счастливая улыбка.

— Пока на твердую пятерку. А твое эскимо не кажется тебе слишком простым выбором для человека, только что

исполнившего цирковой номер на роликах?

Тёма тихо смеется, аккуратно откусывая шоколадную глазурь.

— Я предпочитаю постоянство в действительно важных вещах. В отличие от некоторых ценителей вкусового разнообразия.

— Это называется многогранностью натуры! — возражаю я, старательно смешивая в стаканчике ванильный, шоколадный и клубничный шарики. — А ты... ты просто боишься выходить за рамки привычного.

Артём внезапно наклоняется ко мне ближе. Пространство между нами исчезает, остается лишь сантиметр воздуха, наполненный сладким ожиданием.

— Ты очень заблуждаешься, — произносит он так тихо, что я чувствую эти слова, скорее, кожей, чем слышу ушами. — *Когда я нахожу что-то по-настоящему ценное... другие вкусы меня не интересуют.*

Ложка замирает в моих пальцах. Воздух становится густым и сладким, как растопленная карамель.

— Тём... — мой голос звучит как легкий выдох.

Его пальцы осторожно отводят прядь волос с моего лица.

— У тебя... здесь, — он медленно, будто растягивая момент, стирает подушечкой большого пальца каплю малинового сиропа с уголка моих губ. — Готово.

— Спасибо, — шепчу я, — что привез меня сюда.

— Я буду всегда радовать тебя, — его глаза становятся

темнее, серьезнее. — *Всегда.*

Артём не отодвигается. Его колено касается моего, а рука лежит на спинке скамейки за моей спиной. Я опускаю взгляд на его губы, затем снова встречаюсь с его глазами. И понимаю: это уже не та безопасная территория дружбы, где мы жили все эти годы. Это что-то новое. Хрупкое, пугающее и бесконечно желанное.

— Мороженое тает, — замечает Тёма, с усмешкой на губах.

Но его глаза говорят о другом. В них понимание. Громов видит мою растерянность, чувствует напряжение, висящее между нами, и, как всегда, дает мне пространство. Отводит взгляд к реке, позволяя мне собраться с мыслями.

Встряхиваю головой, пытаюсь отогнать наваждение. Нельзя так смотреть на друга детства. Это правило было нерушимым, как закон всемирного тяготения. Мы знаем друг друга всю жизнь: он помнит мои кривые зубы в брекетах, а я — его первые жалкие усики. Мы плакали друг у друга на плече из-за плохих оценок, проваленных экзаменов и первых сердечных ран. Он был моей безопасной гаванью, моим братом по оружию в битве под названием «жизнь». А то, что шевелится сейчас где-то глубоко внутри — теплое, щемящее и пугающе новое — *это предательство. Предательство нашей дружбы, нашего прошлого. Это неправильно.*

Но разве правильно то, что делает Тим? Разве правильно — лгать, предавать, а потом являться с оправданиями и тре-

бовать прощения? На фоне его токсичных игр молчаливая верность Артёма кажется не просто «правильной». Она кажется единственно возможной отдушиной в этом море лжи.

Нужно рассказать Тёме о разговоре с Тимом. Хоть Громов и не лезет с расспросами, не давит — я вижу, как ему нелегко дается эта тактичность, как он сжимает кулаки, когда речь заходит о Ковалёве. Я хочу поделиться сама. Не потому, что должна, а потому что доверяю.

Собираюсь с духом, глотаю комок в горле и поворачиваюсь к нему. Артём уже смотрит на меня, доев свое эскимо. Его поза расслаблена, но взгляд собранный, готовый слушать.

— Тём, — начинаю я, и мой голос звучит тише, чем я хотела. — После того как мы разошлись утром... Тим затащил меня в пустую аудиторию.

Я вижу, как мгновенно меняется его лицо. Никакой улыбки. Легкая, почти невидимая рябь пробегает по скулам, челюсть сжимается. Он не перебивает, но молчание становится плотным, тяжелым.

И я рассказываю об оправдании Тимофея. Об истории Светы и том, как ее кто-то шантажирует. Слова выходят рвано, путано, и сама слышу, как в голосе проскальзывают нотки той самой неуверенности, что гложет меня изнутри. Я словно оправдываюсь за то, что вообще допускаю мысль о его невиновности.

— А что если... — я запинаюсь, сжимая стаканчик с таю-

щим мороженым, — что, если он, правда, ни в чем не виноват? Что, если это правда какое-то недоразумение со Светкой?

Артём смотрит на меня долгим, пронзительным взглядом. — Фисташка, даже если там и правда ничего не было, — он говорит медленно, подбирая слова, — он ведет себя как ублюдок. Настоящий мужчина не будет тащить девушку в пустую аудиторию и не будет пытаться запугать. Настоящий мужчина не унижает и не шантажирует сексом. Понимаешь?

Его слова падают, как капли дождя на раскаленный асфальт, с шипением выжигая последние островки иллюзий. Я киваю, и впервые за сегодняшний день во мне просыпается не просто обида, а четкое, холодное понимание. Артём прав. Дело не только в возможном предательстве со Светкой. Дело в том, как Тим со мной обращается. А обращается он как с собственностью, которую можно прибрать к рукам после недолгой размолвки.

— Вы же друзья, почему ты не проявляешь мужскую солидарность? — вырывается у меня вопрос, рожденный из старого, почти детского представления об их неразрывной компании.

Тёма усмехается, но в его глазах нет ни капли веселья. Лишь усталая горечь.

— Мы с ним сейчас больше одноклассники и товарищи, чем друзья, — произносит Артём, и каждое слово звучит четко и взвешенно, будто он давно это для себя определил.

— Друг... — Громов замолкает на несколько секунд, а после продолжает, — друг я тебе. *Всегда им был.* И это куда важнее любой «мужской солидарности».

7 глава.

*«Рецепт идеального вечера»
Альбина*

После набережной, проголодавшиеся и ещё полные энергии от катания, мы заскакиваем во «Вкусно — и точка». Артём заказывает два классических чизбургера, стрипсы, большую порцию картофеля по-деревенски с сырным соусом и два молочных коктейля — ванильный ему, клубничный мне.

Когда мы подъезжаем к окну выдачи, нам протягивают два пакета, от которых вкусно пахнет жареным картофелем и курицей.

— Как в старые добрые, — ухмыляется Артём, аккурат-

но размещая добычу на заднем сиденье. — Помнишь, после школьных олимпиад мы всегда так делали?

Я киваю, с наслаждением вдыхая знакомый аромат.

— Только ты всегда ворует у меня картошку, — фыркаю я.

— Ворую? Это я тебя учу делиться! — он с комичным ужасом поднимает брови, но глаза смеются.

Мы едем под мерный гул двигателя, и я ловлю себя на мысли, что не хочу, чтобы эта поездка заканчивалась. В свете уличных фонарей профиль Артёма кажется таким родным и таким новым одновременно.

Через пятнадцать минут мы уже заваливаемся ко мне на квартиру. Артём устанавливает ноутбук на кофейный столик, а я с торжественным видом раскладываю наше пиршество: аккуратные коробочки с курицей, стаканчики с соусами, соломинки для шейков.

— Так, — тянет Тёма, листая фильмы. — У нас есть вариант про зомби-апокалипсис, где все друг друга едят, или романтическая комедия, где все друг друга целуют. Выбор нелёгкий.

— Определённо, зомби, — заявляю я, с наслаждением откусывая хрустящий стрипс. — После сегодняшнего дня хочется посмотреть, как у кого-то дела обстоят ещё хуже, чем у меня.

— Здравый подход, — смеётся Тёма, запуская фильм.

С первых же кадров я понимаю, что это была ошибка. Те-

ни за окном кажутся зловещими, а я инстинктивно съёживаюсь при каждом резком звуке. Артём, заметив моё напряжение, без слов накрывает мою руку своей теплой ладонью. И как по волшебству, страх отступает.

К середине фильма на моём плече уже покоится его голова. Я чувствую, как сквозь ткань свитера до меня доходит тепло его кожи, ровное дыхание. Это так естественно, что все сегодняшние бури окончательно утихают.

— Слушай, а они вообще понимают, как правильно бить зомби? — бормочет Артём прямо мне в плечо. — Совершенно неправильная техника.

— А ты разбираешься? — шепчу я, затаив дыхание и боясь спугнуть эту хрупкую, трепетную идиллию, что окутала нас своим теплом.

— Во всём разбираюсь, — его голос становится низким, бархатным, и он поворачивается ко мне. В полумраке комнаты глаза Тёмы горят каким-то особенным, приглушенным блеском. Его губы оказываются в сантиметре от моей щеки, и от этого близкого дыхания по моей коже бегут мурашки. — Особенно в том, как правильно допивать твой клубничный шейк.

Не отводя от меня тёмного взгляда, Артём резко, почти вызывающе, наклоняется. Его пальцы мягко охватывают мою руку, держащую стакан, а губы смыкаются на соломинке. Он делает один, два медленных глотка. В воздухе густеет то самое сладкое, невыносимое напряжение.

— Э-эй, — слабо возмущаюсь я, чувствуя, как предательская дрожь пробегает по всему телу. Мои пальцы разжимаются, и стакан полностью переходит в его владение. — Это мой... Это же мой шейк.

Но протест звучит неубедительно и тонет в гуле крови в висках. Я не могу оторвать от него взгляда, загипнотизированная этим внезапным, дерзким вторжением в мое личное пространство, которое одновременно и смущает, и заставляет сердце биться в бешеном ритме.

Остаток фильма превращается в наше личное стендап-шоу.

— Смотри! — тычу я пальцем в зомби с неестественно зеленым лицом. — Это же наш химик! Видимо, тот опыт с реактивами всё-таки удался!

Артём фыркает, поперхнувшись картошкой:

— Нет, это деканат по внеучебной работе! Смотри, как он настойчиво предлагает вступить в профсоюз!

Мы начинаем «узнавать» в зомби всех наших преподавателей. Вот медленно бредущий зомби в пиджаке — точно декан, читающий очередной приказ. А эта группа, шаркающая у входа в торговый центр, — студсовет, организующий очередное никому не нужное мероприятие.

— О, смотри! — вдруг оживляется Артём. — А этот, что пытается жевать дверь, — явно студент после сессии! Такое же отсутствующее выражение лица!

Мы хохочем до слёз. Особенно смешным кажется зомби

в рваной одежде, которого мы назначаем «студентом после защиты диплома».

— Боже, — выдыхаю я, вытирая слёзы. — Надо было устроить игру с выпивкой — делать глоток каждый раз, когда узнаем кого-то из универа.

— Мы бы не досидели и до середины фильма, — ухмыляется Артём, изображая зомби-студента, завалившего сессию.

— Знаешь, — говорю я, глядя в потолок, когда начинаются титры, — возможно, это был самый дурацкий и самый прекрасный вечер за последнее время.

Артём переворачивается ко мне, его глаза блестят в полумраке.

— Это потому что мы — идеальная команда по выживанию в зомби-апокалипсисе, — заявляет он.

— А ведь Лили сейчас не хватает, — говорю я. — Помнишь, как она всегда в самый неподходящий момент начинала читать нам лекции о «неуместности юмора»? Такое возмущенное личико делала...

Я закрываю глаза, и передо мной встает ее образ: скрепленные на груди руки, поджатые губки, но в глазах — тайная улыбка, которую она всегда пыталась скрыть. Как же сильно я по ней соскучилась.

— Она бы сейчас фыркала и говорила что-то вроде: «Вы как дети, совершенно невыносимы! Как можно так кощунствовать над кинематографом?» — он мастерски копирует ее возмущенный тон, даже брови хмурит точно, как она.

Я не могу сдерживать смех, представляя эту картину.

— А потом бы все равно не выдержала и засмеялась вместе с нами, — добавляю я. — Помнишь, в прошлый раз, когда мы смотрели ужасный боевик, она дольше всех смеялась над твоими шутками про главного злодея?

Тёма кивает, его лицо озаряет теплая улыбка. Он протягивает руку и легонько щелкает меня по носу — наш старый дружеский жест.

— Не грусти, Фисташка. Она прилетает совсем скоро, — его голос звучит обнадеживающе. — Мы обязательно устроим повторение этого вечера.

— Только мороженого возьмем! — добавляю я, чувствуя, как тоска по подруге постепенно сменяется радостным ожиданием.

— Естественно! — смеется он. — И заставим Лилию выбирать следующий фильм. Все равно знаем, что она опять выберет какую-нибудь мелодраму.

— А мы будем над ней подшучивать весь просмотр! — подхватываю я идею.

Мы переглядываемся и одновременно начинаем смеяться. И в этот момент понимаю — самая большая роскошь в жизни это не дорогие вещи или впечатления, а такие вот простые вечера с людьми, которые понимают тебя с полуслова. И которые всегда готовы подставить плечо, чтобы тоска отступила.

— Ладно, поеду я домой, — произносит Артём, с неохо-

той поднимаясь на ноги и потягиваясь. — За тобой утром заехать?

— У меня завтра с первой пары, — тоже встаю, чтобы проводить Тёму до двери, чувствуя, как по спине пробегают холода. Одиночество уже поджидает меня в тишине комнаты.

Мы идем в коридор, и я ловлю себя на мысли, что мне отчаянно не хочется, чтобы он уходил. Весь день я намеренно не брала телефон в руки, и теперь в голове вертится назойливый вопрос: а есть ли там новые сообщения от Тима? Не звонил ли он? Но мысль о том, чтобы снова погрузиться в этот водоворот боли и оправданий, вызывает тошноту.

— Я заеду, — мягко, почти шепотом говорит Громов, будто читая мои тревожные мысли. Его рука на мгновение задерживается на моем плече, согревая. — Увидимся.

Он наклоняется ближе, и я чувствую знакомый запах его одеколона. Его губы мягко касаются моей щеки — легкий, дружеский поцелуй.

Артём всегда так делает. Но сегодня этот привычный жест отзывается внутри чем-то новым — теплой, щемящей волной.

— Хорошо. Пока, пока, — улыбаюсь я, и моя улыбка на этот раз чуть шире и искреннее.

Дверь с тихим щелчком закрывается, и я прислоняюсь к ней лбом, на мгновение закрыв глаза.

Глубоко вздыхая, бросаю последний взгляд на закрытую

дверь и бреду в комнату. Тишина в квартире внезапно становится оглушительной, давящей. Механически скидываю с себя джинсы и свитер, облачаюсь в мягкую, уютную пижаму с мишками — подарок от Лили на прошлый день рождения.

С неохотой, будто тяну за невидимую нить, достаю из сумки телефон. Экран вспыхивает, ослепляя в темноте, и на нем — десятки уведомлений. Мое сердце на мгновение замирает, предчувствуя бурю.

Пальцем провожу по экрану, бегло сканируя сообщения.

Мама

*Задержимся на пару дней.
Все хорошо! Целую!*

Лия

*СУПЕРНОВОСТЬ!
Вылетаю завтра утром!
Готовь шоколад и вино!*

На сообщении подруги невольно появляется улыбка.

А вот и оно. Сообщение от Тима, со второго номера, о котором я благополучно забыла. Палец замирает над ним. В горле пересыхает. Делаю еще один глубокий вдох и открываю его.

Шим

*Я тебя люблю! Хватит
дуться на меня. Я очень
соскучился! Заеду утром.*

8 глава.

*«Грани доверия»
Альбина*

Впопыхах натягиваю на себя джинсы, едва успев расчесать волосы, и бегу в коридор. Сердце колотится где-то в горле. Тим написал, что уже ждет под подъездом, а я, как обычно, опаздываю. Хотя... с другой стороны, пусть подождет. Не я же назначала эту встречу на восемь утра.

Вчера я долго ворочалась, не могла уснуть, прокручивая в голове одно и то же. Мысли о Тиме будто раскаленная спираль — больно прикасаться, но невозможно оторваться. Мне так трудно ему верить. Доверие, хрустальное и хрупкое, раз-

билось вдребезги в ту ночь на вечеринке. Но если он и правда искренен... если это не просто слова... то пусть докажет. Пусть попробует вернуть мою веру в него, склеить эти осколки. Хотя я уже не уверена, что это возможно.

Может, я действительно нафантазировала лишнего? Неправильно все поняла? Но то, как вел себя Ковалёв последние дни — его наглость, это вторжение в мою квартиру, эти манипуляции в аудитории — все это поднимает внутри меня волну горькой обиды. Нет, его поведение мне откровенно не нравится. *Оно пугает.*

Перед сном, в тишине и темноте, я набрала короткое сообщение Тёме.

*Не заезжай за мной утром.
Увидимся в универе*

Отправила и почувствовала странное облегчение, сме-

шанное с легкой грустью.

Делаю глубокий вдох, поправляю свитер и, наконец, выхожу из подъезда, готовясь встретиться со своим прошлым, которое так настойчиво стучится в дверь.

Сразу, как оказываюсь на улице, холодный утренний воздух бьет в лицо, и я замечаю припаркованную машину Тимофея, а следом и его самого. Он стоит, прислонившись к капоту, в своей фирменной позе — руки засунуты в карманы джинсов, плечи напряжены. Его взгляд, до этого прожигающий дверь подъезда, теперь прикован ко мне. В этих темных глазах — смесь уверенности, нетерпения и чего-то такого, отчего по спине бегут мурашки.

Медленно, через силу, заставляя каждую мышцу подчиниться, подхожу к Ковалёву. Он улыбается, но улыбка кажется натянутой, слишком широкой, будто маской прикрывает внутреннее напряжение. Отталкивается от машины и быстрыми шагами сокращает расстояние между нами, сразу заключая меня в объятия.

Его запах окутывает меня, как паутина. На несколько секунд тело предательски поддается старой привычке, мышцы расслабляются, и я позволяю ему прижать меня к себе. В памяти всплывают сотни таких объятий — теплых, безопасных, желанных... Но это было тогда.

Быстро, почти резко, беру себя в руки. Ладони упираются в его грудь, и я тактично, но твердо отстраняюсь, создавая между нами пространство.

— Аля, прекрати, — произносит Тимофей тихим, чуть хриплым голосом, в котором слышны и уговоры, и приказ. Руки снова тянутся ко мне, пытаюсь стереть эту дистанцию. — Иди ко мне.

В его тоне — та самая уверенность собственника, от которой вчерашняя ярость снова шевелится где-то глубоко внутри. Я отступаю на шаг назад, поднимаю подбородок и смотрю ему прямо в глаза.

— Я сейчас развернусь и пойду пешком, Тим, — произношу я с ледяной серьезностью. Каждое слово звучит четко, как удар колокола в утренней тишине. — Решай.

— Ладно, ладно, — он поднимает руки в сдающемся жесте, но в его глазах читается не поражение, а лишь тактическое отступление. — Садись в машину, поедem потихоньку. Поговорим.

Я, чуть поколебавшись, все же залезаю в салон. Тим садится за руль, поворачивает ключ зажигания, и мотор оживает с низким урчанием. Мы выезжаем со двора, и никто из нас не решается нарушить эту напряженную, звенящую тишину. Мы сейчас как два актера, забывшие свои роли, — два незнакомца, сидящие в одной машине. Нелепо и больно. Будто между нами не было восьми месяцев страсти, ссор и примирений, будто мы не знакомы со школы.

— Альбина, — его голос, обычно такой уверенный, сейчас звучит приглушенно, — давай закончим уже нашу затянувшуюся ссору. Ты прилетела несколько дней назад, а мне

приходится держаться на дистанции, как какому-то назойливому поклоннику.

Ковалёв резко, почти грубо, сворачивает с главной дороги и припарковывается в кармашке у какого-то закрытого магазина. Глушит двигатель, и в наступившей тишине его дыхание кажется неестественно громким. Он поворачивается ко мне, и его взгляд становится тяжелым, пристальным.

— Я соскучился по тебе, — говорит Тим, и его голос опускается до интимного шепота. — По твоим губам... по твоему телу...

Эти слова, которые раньше заставляли кровь струиться быстрее и рисовали в воображении яркие картины, сейчас падают в тишину салона, как камни. Они действуют на меня совсем не так, как я ожидала. Ведь я и сама скучала. Я умоляла родителей отправить меня домой раньше, готова была на все, лишь бы поскорее оказаться рядом с ним. Я так хотела сделать ему сюрприз, предвкушая тот момент, когда он обнимет меня после разлуки... а в итоге получила нож в спину и горькое разочарование, которое сейчас сидит глубоко внутри, холодным и тяжелым комом.

— Я ведь объяснил, что произошло на вечеринке, почему ты не веришь? — его голос срывается, в нем прорывается настоящее отчаяние, смешанное с раздражением.

— Хочу верить, *но не могу*, — тихо отвечаю я, пожимая плечами. Мой взгляд прикован к одинокой ветке, качающейся на ветру. Сказать эти слова вслух — все равно что при-

знать, что фундамент, на котором держались все эти месяцы, оказался зыбучим песком.

— Да почему? — внезапно взрывается Тимофей, с силой ударяя ладонью по рулю. Резкий звук заставляет меня вздрогнуть. — Что я еще должен сделать? Я же все объяснил.

— Потому что! — вспыхиваю и я, поворачиваясь к нему. В груди что-то закипает, горячее и горькое. — Даже если между тобой и Светой ничего не было, даже если это правда какое-то дурацкое недоразумение, ты вел себя ужасно по отношению ко мне! Ты давил, ты кричал! Ты думал только о своих чувствах, о своей правде, а что я чувствовала, тебя вообще волновало? Мне было страшно, Тим! Страшно и противно!

Я почти кричу, и от этого в горле встает ком. Слезы подступают к глазам, но я изо всех сил сдерживаю их, сжимая кулаки.

Тим замирает. Он смотрит на меня, и я вижу, как в его глазах что-то меняется. Гнев медленно уступает место осознанию. Ковалёв откидывается на спинку кресла, проводит рукой по лицу.

— Прости, Аля, — произносит он уже совсем другим, сдавленным голосом, с усилием сдерживая остатки гнева. — Я... я не хотел тебя пугать. Просто, когда я увидел, что ты отдаляешься, я не смог это вынести. Ты ведь даже не разобралась в ситуации, сразу записала меня в изменщики.

— Очень удобно! — с горькой усмешкой вырывается у

меня. В глазах темнеет от нахлынувших эмоций. — Что бы ты подумал, если бы я исчезла на пол вечеринки, а потом какая-нибудь Юля рассказала бы тебе, что я где-то на втором этаже с каким-то парнем? Ты бы поверил в мое невинное объяснение с первого слова?

Я смотрю на него, впиваясь взглядом, и вижу, как он напрыгается. Его пальцы сжимаются на руле, суставы белеют.

— Я бы незамедлительно отправился к вам, чтобы лично все увидеть, — сквозь зубы отвечает Тимофей, и в его голосе слышится стальная уверенность, которую не сломить. — Я бы не стал слушать пересуды. Я бы убедился сам.

— И это тоже очень удобно, Тим, — мой голос дрожит от нарастающей обиды. — Особенно, когда нельзя вернуть время назад и проверить, как все было на самом деле. Ты требуешь от меня слепого доверия, которого сам, я уверена, не проявил бы на моем месте. Ты хочешь, чтобы я просто стерла из памяти все, что было, и поверила тебе на слово. Но так не бывает.

— Чего ты хочешь этим добиться? Расстаться? — его голос звучит почти насмешливо, но в глубине глаз мелькает тревога. — Не-е-ет, — тянет Тим последнее слово, и на его губах появляется кривая усмешка, лишенная настоящей радости. Он наклоняется ко мне, его дыхание опалает кожу. — *Ты моя, Альбина.* И никуда от меня не денешься.

От этих слов по спине бегут ледяные мурашки. Это не любовь, не тоска — это притязание собственника.

— Вот ты снова начал! — резко отстраняюсь я, вжимаясь в дверцу. Голос дрожит от возмущения. — Я не вещь! И я не твоя! Понял? Если ты действительно хочешь, чтобы что-то между нами вернулось, тебе придется хорошенько обдумать каждое свое слово и каждый поступок за последние дни. И по-настоящему постараться все исправить. А не просто бросать пустые фразы.

Я делаю глубокий вдох, выпрямляю спину и смотрю прямо перед собой.

— А теперь поехали в универ. Скоро пара начнется, — произношу я твердо, с полной уверенностью, не оставляя места для возражений, и окончательно отворачиваюсь от Тимофея, давая понять, что разговор окончен.

В салоне на секунду воцаряется тишина, напряженная и густая. Затем слышится короткий, почти беззвучный смешок.

— Хочешь, чтобы я постарался? — Тим ухмыляется, и в его тоне слышится вызов и азарт, будто он только что принял новые правила игры. — Хорошо, — коротко бросает он, поворачивает ключ зажигания, и мотор с рычанием оживает. — Как скажешь.

9 глава.

*«Линия фронта»
Артём*

Не понимаю, почему Альбина отказалась ехать вместе на учёбу. Хотя... нет, понимаю. И эти догадки гложут изнутри, оставляя во рту горький привкус. Она что, правда, до сих пор сомневается? После всего, что он вытворял? Или... она хочет ему дать шанс? От одной этой мысли сжимаются кулаки.

До сих пор не знаю, изменил ли Тим Але или нет. Но мне это уже не так важно. Важно то, как он к ней относится. Как говорит с ней, как смотрит — будто она его собственность. А эти «объяснения»... Пашка и Илья твердят в один голос про какую-то дурацкую историю с шантажом. Слишком уж

слаженно у них получается, будто репетировали.

Со Светой поговорить не выходит — она на больничном. Очень удобно. Словно её специально убрали с глаз долой. Интересно, Тим к этому причастен? Или она сама не хочет светиться?

Видеть, как Альбина мучается, пытаюсь выбрать — верить ему или нет... это невыносимо. Хочется врезать Ковалёву по его самодовольной физиономии. Но я знаю — это только усугубит всё для неё. Поэтому просто буду рядом. *Как всегда.* Чтобы она знала: что бы она ни решила, у неё есть тыл. Даже если решение будет неправильным.

Чёрт. Надо было настоять и приехать за ней. Хотя бы для того, чтобы Тим не чувствовал себя таким уверенным. Не позволял себе этот взгляд собственника, когда провожает Алё глазами.

— Эй, Гром, ты не забыл? — Никита стучит костяшками пальцев по моему плечу, заставляя вздрогнуть. Мы сидим на лавочке у входа в универ, а он уже вовсю погружен в предстартовый адреналин. — Сегодня финальные заезды. Закрытие сезона. Ты же обещал приехать с группой поддержки.

Ник — мой лучший друг с первого дня в универе. Мы нашли друг друга на дне открытых дверей, случайно столкнувшись у стенда с расписанием. Эти три года доказали: близким может стать тот, о ком и подумать не мог. Он — воплощение скорости и бесстрашия на мотоцикле, я — его наземное обеспечение и голос разума.

— Помню, — отвечаю я, отрывая взгляд от асфальта. — Я буду.

Пытаюсь сосредоточиться на друге, но периферией зрения замечаю знакомый силуэт машины. Тачка Тима плавно останавливается у пешеходного перехода. Из пассажирской двери выходит Альбина.

Солнце играет в ее волосах, когда она отступает на шаг от машины. Она не замечает нас сразу, поправляя ремень сумки на плече. Но Тим, выйдя из-за руля, говорит ей что-то, и его взгляд непроизвольно скользит по площади — и останавливается на мне.

— Тёма? — Никита следует за моим взглядом, его голос теряет возбужденные нотки. — Помирились, что ли? — усмехается он, но в глазах нет насмешки, только понимание.

Ник знает абсолютно все, что я чувствую к Альбине. Мы сто раз просиживали ночи в гараже, разбирая мои чувства по винтикам, как один из его мотоциклов. Он, как настоящий гонщик, всегда предлагал тактики «обгона» и «наступления», твердил, что нельзя вечно быть на вторых ролях. *«Рискни, Громов! Сердце — не мотор, не перегреется!»*

Но я всегда оставался в стороне. Не потому, что трус и боюсь отказа. Хотя, кто знает, может, и трус. Но главное — я знаю фисташку тысячу лет. Помню, как она в семь лет падала с велосипеда, а я бежал за пластырем через весь двор. Помню ее слезы из-за двойки по математике и первую влюбленность в актера из сериала. Я был свидетелем всей ее жизни.

И терять это — потерять ее доверие, ее улыбку, наши дурацкие разговоры ни о чем — из-за своих несбывшихся мечтаний... Это слишком высокая цена. Лучше уж быть тем, кто всегда рядом. Тем, на кого можно опереться. Даже если это больно. Даже если где-то внутри живет надежда, что однажды она посмотрит на меня не как на друга, а как на того самого парня.

— Нет, — тихо отвечаю я Никите, все еще следя за тем, как Альбина отходит от машины Тима, будто стараясь не прикасаться к ней. — Не помирились. И вряд ли уже помириятся.

Аля и Тим перебрасываются на прощание парой фраз. Плечи Альбины напряжены, даже отсюда это видно. Наконец, Ковалёв разворачивается и уходит к своей шумной компании, а Авдеева, повернувшись к универу, замечает нас.

Её взгляд на секунду задерживается на мне, и она нервно, почти незаметно, проводит рукой по волосам, сглаживая непокорную прядь. Затем решительно направляется в нашу сторону и сердце предательски ёкает.

— Привет, ребята, — её голос звучит чуть устало, но тепло. Она подходит и, как это бывает между старыми друзьями, наклоняется, чтобы поцеловать меня в щеку.

Мгновение. Мягкое прикосновение губ. И запах — лёгкий, едва уловимый аромат её духов, смешанный с запахом утреннего кофе и чего-то неуловимо родного. От этого знакомого до боли сочетания напрочь сносит башню. Хочется

задержать её рядом, обнять, вдохнуть глубже... но я лишь сжимаю пальцы на коленях.

— Здорова, подруга, — произносит Ник, разливаясь в ухмылке. Я же лишь силюсь кивнуть в знак приветствия, боясь, что если открою рот, выдавлю что-нибудь не то. Мне до ужаса сложно. Каждый раз будто прохожу испытание на прочность, сдерживая рвущиеся наружу эмоции. Они клокочут внутри, как непокорный мотор на старте. — Тим вымолил прощение у красотки? — усмехается друг, подмигивая Альбине.

— Ещё чего, — фыркает она, отмахиваясь, будто от назойливой мухи, и я чувствую, как понемногу отпускает лежавший каменной тяжестью в груди страх. Значит, все еще нет. Значит, она всё ещё держится. И в этом простом «ещё чего» для меня целая вселенная надежды.

— Кстати, приедешь сегодня поболеть за друга на гонках? — Никита ловко переводит тему, заметив напряжение на моём лице. Его взгляд скользит между мной и Альбиной, и он явно пытается разрядить обстановку.

— Уже сегодня? — Аля широко раскрывает глаза, искренне удивляясь. — Не может быть, время так незаметно пролетело.

— Приезжайте с Тёмой, будет огненное шоу, — потирая руки, с озорной ухмылкой произносит Ник. — Для меня ваша поддержка — лучший допинг.

— Блин, сегодня Лиля прилетает, надо встретиться, — в

голосе Альбины проскальзывает искренняя грусть. Она бросает на меня быстрый взгляд, будто проверяя реакцию.

— Так возьмите Лилю с собой! — Никита улыбается, его энтузиазм заразителен. — Чем больше зрителей — тем круче выступление. А если ты не приедешь, я точно проиграю. Буду так переживать!

— Так нечестно! Используешь дружбу в корыстных целях! — смеётся Альбина, и от этого звука у меня на душе становится теплее. — Артём, скажи ему! Ну посмотри на него!

Она поворачивается ко мне, и в её глазах — смесь веселья и мольбы. В этот момент она снова та самая девочка, с которой мы в детстве строили шалаши во дворе.

— Фисташка, боюсь, тут ничего не поделаешь, — говорю я, разводя руками с наигранной серьезностью. — Без тебя его шансы на победу резко падают. Придется ехать.

— Ой, все с вами понятно, два заговорщика, — качает головой Альбина, но на её губах играет улыбка. — Ладно, уговорю Лилю, так уж и быть, — поднимает палец, словно давая торжественную клятву. — Но только если вы оба будете меня отвлекать, когда она начнёт рассказывать про московские тренды. Обещайте!

— Ура! Миссия выполнена! — Никита победно хлопает в ладоши и вскакивает с лавочки. — Так, мне надо срочно сделать пару звонков, техосмотр перед заездом никто не отменял. Увидимся на трассе! — Он бросает мне многозначительный взгляд и стремительно удаляется, оставляя нас од-

них.

— Мы поговорили с Тимом, — начинает Альбина. Мое сердце замирает, готовясь к худшему. Я молчу, сжимая кулаки в карманах толстовки, и жду продолжения. — Он все стоит на своем и не собирается от меня отставать, — произносит она чуть тише, опуская взгляд. — Но я пока непреклонна.

— Что это значит? — произношу спокойно, насколько хватает сил. Внутри все кричит, требует действий, но я знаю — сейчас важнее всего ее слова.

— Что пусть постарается вернуть мое расположение, — пожимает плечами Альбина, словно речь идет о какой-то незначительной формальности. А меня медленно, неумолимо накрывает волна ярости. Он снова все превращает в игру, где он — охотник, а она — трофей. И она... *она позволяет ему это.* — Ой, пара сейчас начнется, ты идешь? — она бросает взгляд на часы, и в ее глазах читается явное желание сбежать от этого разговора.

— Скоро пойду, — натягиваю на лицо маску спокойствия, кривлю губы в подобие улыбки и отвечаю. Кажется, это самое сложное, что я делал за последнее время.

— Тогда увидимся, — произносит Аля и чуть ли не убегает в сторону университета, оставляя меня одного с бушующими внутри эмоциями.

Я смотрю ей вслед и чувствую, как в груди все разрывается на части. Я совершенно не хочу, чтобы Альбина была

с Тимом. Не хочу видеть, как он снова причиняет ей боль, как он играет ее чувствами. Но больше всего на свете я хочу, чтобы она была счастлива. И этот разрыв между моим желанием и ее выбором причиняет почти физическую боль.

Ненавижу в себе эту черту характера, где я — понимающий друг. Этот вечный внутренний компромисс, когда все естество рвется наружу, а ты должен оставаться в рамках. Но не могу я по-другому. Не могу разрушить то, что строилось годами. Желание закинуть Альбину на плечо, увезти ото всех и просто быть с ней вдвоем, наедине с миром, бешеным пульсом и правдой, которую больше нельзя скрывать. Сложно каждый раз смотреть на нее и не иметь права коснуться кожи, манящих губ своими. *Словно я сам себе палач, добровольно надевший оковы.*

— Артём, — передо мной появляется фигура Тимофея, резко отвлекая от мыслей. Он стоит, напряженный, как струна, его плечи подняты, а взгляд тяжелый. — Поговорим об Альбине?

— Ну давай, — усмехаюсь я, стараясь скрыть внутреннюю бурю, и киваю на свободное место на лавочке.

Тим игнорирует жест, оставаясь стоять. Он нависает надо мной, используя свой рост, пытаюсь создать давление. Я уже догадываюсь, о чем может пойти разговор. В воздухе пахнет грозой.

— Я не хочу, чтобы вы так тесно общались, — выдает он четко, отчеканивая каждое слово.

Несколько секунд я молчу, обдумывая сказанное. Внутри все закипает. В ответ мне хочется либо засмеяться ему в лицо от абсурдности, либо сразу вмазать по морде. Второе хочется несравнимо больше, кулаки сами сжимаются. Но я сдерживаюсь, выпускаю лишь короткий, презрительный смешок, чем мгновенно злю Тимофея еще сильнее. Он аж подрагивает от ярости.

— Ты в своем уме, дружище? — произношу на удивление спокойно, хотя внутри бушует ураган.

Мы с Тимом никогда не соперничали. Подружились с тех времён, когда он переехал к нам на район в девятом классе. Дружили мы достаточно крепко: вместе гоняли мяч во дворе, делились первым пивом, обсуждали девочек. Но все изменилось, когда после Нового года Ковалёв решил поухлестывать за Алей.

Помню, как она тогда прибежала ко мне, вся сияющая, с горящими глазами. «Тём, представляешь, Тим пригласил меня на свидание!». А я смотрел на нее и чувствовал, как внутри что-то обрывается.

— Я на полном серьёзе. Хватит постоянно таскаться с ней, — рычит Тим, не сдерживая злость. Его лицо искажается, а пальцы сжимаются в кулаки.

— По-моему, вы расстались, — произношу с холодной улыбкой, чувствуя, как нарастает собственное напряжение.

— Сегодня расстались, завтра помиримся, тебя это волновать не должно, — бросает он через зубы, и в его глазах

вспыхивает огонь собственничества.

Глубоко вдыхаю, медленно поднимаюсь на ноги. Теперь наши глаза на одном уровне. Воздух между нами становится густым, как перед грозой.

— Всё, что касается Альбины, меня волнует, — произношу тихо, но так, чтобы каждое слово прозвучало четко и недвусмысленно. — Ты упустил свой шанс, Тим. Я стоял в стороне. Теперь не буду.

Тим замирает, его взгляд становится тяжелым и опасным. Он оценивающе смотрит на меня, будто впервые видит противника.

— Значит, война, Тём, — выдавливают он, и в этих словах — обещание бури.

— Значит, война, Тим, — спокойно отвечаю я, не отводя взгляда.

Вокруг нас будто сгущается туман, и впервые за многие годы я чувствую не тяжесть, а странное облегчение. Наконец-то всё сказано. *Маски сброшены.*

10 глава.

*«Пульс скорости»
Альбина*

— Лиля, ну давай поедem на гонки, — упрашиваю я, пока подруга с задумчивым видом наливает в две керамические чашки свежесваренный кофе.

В отличие от меня, Лиля живёт в собственной уютной студии — подарке родителей после того, как она успешно поступила в университет. Тогда все только ахнули — сама без посторонней помощи сдала экзамены и прошла на бюджет. В честь такого события родители и подарили ей эту квартиру недалеко от университета.

— Ты же знаешь, я такое не люблю, — отвечает Бессонова, ставя передо мной чашку с латте. — Грохот моторов, пыль, кричащая толпа... Мне это совсем неблизко.

— Но ты же ни разу не была! — надуваю губы и смотрю на неё умоляюще. — Там совсем другая атмосфера, ты даже не представляешь!

— И прожила бы дальше без неё, — фыркает она, легонько морща нос. — Там же полно незнакомых людей, шум, суета... Фу, — кривится Лиля, будто случайно съела дольку лимона.

— Ну пожалуйста! — делаю самые жалобные глаза, какие могу. — Никите очень важна поддержка. Он прямо умолял приехать, для него это важно!

— Так поезжайте с Артёмом, — отмахивается она, аккуратно протирая стол. — Мы с Никитой, мягко говоря, не совпадаем по характеру.

— Ах ты упрямая! — не выдерживаю я. — Короче, мы едем вместе, и тут я не отступлю!

— Альбина... — голос Лили звучит мягко, но настойчиво.

— И нет возражениям! — перебиваю её. — Побудем совсем чуть-чуть, полчасика, не больше. А потом сразу домой — к вину, шоколаду и твоим рассказам о поездке. Договорились?

— И ты обещаешь, что после этого оставишь меня в покое? — поднимает она бровь, но в уголках её губ уже дрожит

сдержанная улыбка.

— Конечно! — радостно улыбаюсь я. — Готовься — сегодня ты узнаешь, что такое настоящие гонки!

Атмосфера на месте заезда потрясающая, заряженная до предела.

Мы приезжаем за город, на заброшенный участок трассы, который местные мотолюбители облюбовали для своих соревнований. Вечернее солнце, еще теплое, но уже не палящее, висит низко над горизонтом, заливая все вокруг золотистым, медовым светом. Длинные тени от людей и мотоциклов тянутся по потрескавшемуся асфальту.

Воздух густой и звучный, наполненный десятками разных шумов, сливающихся в единый гул. Главный — рёв моторов — низкий, грудной, вибрирующий где-то глубоко внутри. Он не заглушает, а скорее переплетается с громкой музы-

кой, что льется из мощных колонок, расставленных по периметру. Басы от треков смешиваются с басами выхлопов, создавая невероятную, физически ощутимую какофонию звука.

Вокруг царит настроение всеобщего праздника и легкого безумия. Кто-то смеется, кто-то активно жестикулирует, обсуждая технические характеристики байков, кто-то просто сидит на капоте машины, подпевая знакомому припеву, качаясь в такт музыке. Это настоящий храм скорости и свободы, где правят адреналин и вечернее летнее солнце.

— Вон Ник! — кричит мне прямо в ухо Тёма, чтобы перекрыть рёв моторов и грохот музыки. Его пальцы уверенно смыкаются на моей руке, и он тянет меня за собой в самую гущу событий.

Я на ходу успеваю схватить второй рукой Лилию — та кажется такой маленькой и потерянной в этом хаосе — чтобы не потерять ее в беспокойном, пульсирующем море тел.

Мы пробираемся сквозь толпу, и, наконец, подходим к группе участников, где Никита, уже облаченный в черную гоночную экипировку, оживленно беседует с другим гонщиком.

Незнакомец приковывает взгляд сразу, даже стоя в ослабленной позе. Высокий, плечистый, тело, обтянутое черной тканью, кричит о силе и постоянных тренировках. Сквозь открытый воротник комбинезона видны первые завитки татуировок. Тёмные волосы небрежно растрепаны. В

серых глазах читается холодная насмешка и привычка оценивать всё и всех свысока. Он уже полностью экипирован для гонки, в руках вертит шлем — чёрный, с агрессивными красными молниями по бокам.

Никита, заметив нас, широко улыбается и машет рукой.

— Ребята, вы приехали! — радостно произносит Ник. — Знакомьтесь! Это Демид, — выпаливает он, похлопывая того по плечу. — Гроза всех местных трасс. А это моя команда поддержки — Артём, Альбина и Лиля.

Демид кивает нам сдержанно, его взгляд скользит по нам быстрым, оценивающим, но абсолютно нейтральным сканированием.

— Привет, — бросает Демид хрипловатым голосом, и его взгляд тут же скользит за наши спины, загораясь совершенно иным, живым огнем. А спустя несколько секунд нас обходит небольшая группа: парень и две девушки.

И Демид буквально преображается. Его сдержанность куда-то испаряется. Он расплывается в широкой, по-настоящему тёплой улыбке, которая мгновенно смывает с его лица всю холодную насмешливость, и широко раскрывает объятия.

— Заждался уже, — слышу я его низкий голос, пока он заключает в объятия одну из девушек — хрупкую брюнетку, чьё лицо тоже озаряется безудержной радостью.

Вторая девушка, рыжеволосая, подходит к Демиду, уверенно держа за руку своего спутника — высокого парня, ко-

торый смотрит на всю эту компанию с добродушной улыбкой.

— Готовы к зрелищу? — Никита подходит к нам, с широкой, почти безумной улыбкой во всё лицо. Его глаза горят азартом, пальцы нервно перебирают застёжки на шлеме. От него так и веет адреналином — будто искры по коже.

— Конечно, — Тёма отвечает твердо, и я чувствую, как его плечо касается моего. Его взгляд прикован к треку. Поза спокойная уверенность, но я-то знаю: он переживает за друга сильнее, чем показывает.

— А ты чего такая серьезная? — обращается Соболев к Лиле, наклоняясь к ней ближе.

Лиля замирает на секунду. Ее пальцы сжимают край свитера — старый, почти детский жест, когда ей не по себе. Она смотрит куда-то поверх головы Никиты, в сторону ревущих мотоциклов, и в её глазах — целая буря. Не страх, нет. Скорее... ошеломление. Будто ее бросили в самый эпицентр чужого праздника, а она всё ещё ищет дверь обратно. Воздух здесь для нее слишком густой. Она напоминает мне лесного зверька, застывшего на обочине шоссе, — весь мир вокруг несется с бешеной скоростью, а она боится сделать даже шаг.

Лиля медленно переводит на него взгляд, приподнимая одну бровь.

— Я просто пытаюсь рассчитать статистическую вероятность того, что ты сегодня разобьешься вдребезги, — говорит она своим ровным, лекторским голосом. — И, должна

тебя огорчить, цифры получаются весьма неутешительными.

— Твоя поддержка бесценна, милая, — язвит Никита, но в уголках его глаз собираются смешинки. Он явно получает удовольствие от их привычного словесного поединка.

— Всегда рада, — отвечает Лиля, и её губы растягиваются в улыбке.

— Ник! — раздаётся резкий оклик Демида, прорезающий гул толпы. Он уже в седле своего мотоцикла, и жестом подзывает Соболева. Его лицо сосредоточено, в серых глазах больше нет и следа недавней расслабленности — только стальная собранность.

— Увидимся после гонки, — бросает нам Никита через плечо, и его улыбка теперь другая — собранная, острая, с твёрдой серьезностью в глазах. Он разворачивается и бежит к своему мотоциклу, его чёрная экипировка контрастирует с мягким золотом закатного неба.

Атмосфера на старте накаляется с каждой секундой. Воздух становится густым, словно его можно резать ножом. Гонщики один за другим занимают свои позиции на трассе, рёв моторов нарастает, переходя в оглушительный гул. Последние лучи солнца, ещё цепляющиеся за горизонт, окрашивают все вокруг в медово-багряные тона, а длинные тени от мотоциклов и людей тянутся через всю трассу. Стробоскопы прожекторов, уже включенные в предвечерних сумерках, выхватывают из сгущающихся теней клубы сизого дыма, блеск шлемов и напряженные спины водителей. Все замер-

ли в ожидании. Даже толпа на мгновение притихла, затаив дыхание перед хаосом, который вот-вот вырвется на волю в этот переходный час между днём и ночью.

Я чувствую, как ладонь Тёмы находит мою. Его пальцы сплетаются с моими — теплые, твердые, надежные. Этот простой жест успокаивает бьющееся в такт, реву моторов сердце.

— Держись, Фисташка, — голос — всего лишь тёплый шёпот у самого уха, но я слышу его сквозь оглушительный грохот. — Сейчас будет жарко.

Сирена. Пронзительный, режущий звук, от которого содрогается воздух. И — тишина. На одно сердцебиение. Потом мир взрывается.

С десяток мотоциклов срываются с места, выплескивая на асфальт всю накопленную ярость моторов. Грохот такой, что давит на уши, на виски, отзываясь в груди тяжёлыми ударами. Асфальт под ногами вибрирует, будто живёт своей собственной, бешеной жизнью.

Я впиваюсь взглядом в две чёрные фигуры — Демида и Никиту. Они с самого начала рвутся вперёд, два тёмных клинка, рассекающие залитый закатным светом воздух. Демид — холодный, безжалостный снаряд. Никита — яростный, напористый, он буквально прилипает к заднему колесу Демида, пытаясь найти лазейку.

— Смотри, смотри! — кричу я Тёме, хотя он и так не отрывает глаз от трассы. Его рука сжимает мою чуть сильнее, и

я понимаю — он дышит каждым виражом, каждым обгоном Никиты. Он тут не просто как зритель. Он — часть этой гонки, его поддержка — невидимое топливо для нашего друга.

Никита предпринимает отчаянную попытку обойти на повороте. Мое сердце замирает. Он так близко... Так рискованно... Но Демид, будто чувствуя это, закрывает траекторию, не оставляя ни сантиметра. Холодный расчёт против горячей ярости.

— Черт, — срывается с губ Тёмы, но в его голосе нет разочарования. Только азарт и гордость. — Молодец, Ник, дави его!

Последний прямой участок. Они несутся к финишу, два пятна — одно неумолимо впереди, другое — в полукорпусе позади.

Первым режет финишную черту Демид. Через мгновение, выложившись до конца, финиширует Никита.

Толпа взрывается ревом, который на секунду перекрывает затихающие моторы. Я выдыхаю воздух, о существовании которого, кажется, забыла на протяжении всего заезда.

— Второй! — поворачивается ко мне Тёма. Его глаза сияют, а на губах — широкая, восторженная улыбка. Он не говорит «проиграл». Он говорит «второй», и в этом слове — вся его гордость за друга. — Я же говорил, что он сможет!

Артём резко обнимает меня, поднимая в воздух, и я, смеясь, обнимаю его за шею. В этот момент есть только ликующий гул вокруг, запах бензина и горячего асфальта, и креп-

кие руки, которые уверенно держат меня.

Никита, снимая шлем, сияет как солнце. Его волосы мокрые от пота, лицо покраснелось, но он не может сдержать счастливой улыбки. Слезает с мотоцикла и бежит к нам, широко расставив руки.

Артём, прежде чем броситься ему навстречу, аккуратно ставит меня на землю — от его прикосновений по спине все еще бегут мурашки. Друзья сходятся в крепких, шумных объятьях, хлопая друг друга по спинам.

— Молодец! Это было нечто! — Тёма отстраняется, держа Никиту за плечи, и смотрит на него с нескрываемой гордостью.

— Поздравляем, Ник! Ты был великолепен! — присоединяюсь я, и мои слова тонут в общем гуле поздравлений.

В глазах Соболева — настоящее зарево восторга, будто он только что выиграл чемпионат мира, а не пришел вторым. Он переводит дух, грудь вздымается под комбинезоном.

— Ну что? Я был крут, скажи же? — смотрит он на Лилу с ухмылкой на губах.

Бессонова не успевает ничего ответить.

— Ты был очень крут! — раздаётся сзади голос.

Оборачиваемся. Демид подошел, сняв шлем. Его волосы также небрежны, на лбу блестит испарина, но дышит он ровно и спокойно. В его серых глазах, прищуренных от легкой улыбки, читается неподдельное уважение.

— Ты впервые участвуешь? — спрашивает он, оцениваю-

ще глядя на Никиту.

— Нет, пару раз доводилось, — отвечает наш друг, выпрямляясь и стараясь выглядеть так же невозмутимо, как его визави.

— Поздравляю! — Демид кивает, и его взгляд скользит по нашей компании. — И, ребят, мы собираемся отметить это событие. Давайте с нами?

— Конечно! — не раздумывая ни секунды, выкрикивает Соболев и тут же переводит взгляд на нас с Тёмой и Лилией, в его глазах — мольба и предвкушение вечера.

— Я «за», — тут же отзывается Артём, но его взгляд вопросительно обращен ко мне. — Фисташка?

— Я тоже, — киваю я. — Но только если Лиля поедет.

Поворачиваюсь к подруге. Лиля стоит, скрестив руки на груди. Ее лицо — маска вежливого скептицизма. Она смотрит на шумную компанию гонщиков, на сияющего Никиту, и всем своим видом говорит, что предпочла бы тишину и книгу.

И вот мы уже втроем — я, Тёма и Никита — смотрим на Бессонову в немом ожидании. Секунда тянется мучительно долго.

Наконец, она сдает позиции, с драматическим вздохом скидывая руки.

— Вы победили, — объявляет она, и в уголках ее губ таится крошечная, почти незаметная улыбка. — Только я поеду ненадолго. Час. Максимум — полтора.

— Ура! — кричит Никита, подпрыгивая на месте от восторга. — Мы приедем, — более сдержанно, но с тем же энтузиазмом, говорит он Демиду.

— Отлично, — тот достает из кармана комбинезона телефон. — Напиши свой номер, скину адрес. — Он протягивает гаджет Соболеву, и его взгляд на секунду задерживается на нашей маленькой компании, будто оценивая новый состав гостей. — Будет весело! — бросает он и развернувшись, уходит к своим друзьям, оставляя нас в облаке предвкушения.

11 глава.

*«Три шота правды»
Альбина*

Сидим с Лилией на шезлонгах у бирюзовой воды бассейна. Мы приехали всего пятнадцать минут назад, но уже успели познакомиться с ближайшим кругом Демида: его девушкой Ариной, а также парой — Максимом и Соней.

Первое впечатление они производят самое тёплое. Макс — самый старший в их компании — излучает спокойную, основательную энергию. Он стоит у гриля. Взгляд у него внимательный, добрый, будто он сразу всех понимает без лишних слов.

А рядом Соня — настоящий ураган в миниатюрном теле! Она без умолку болтает, жестикулирует, и её смех — такой звонкий и заразительный — разливается по всей территории. Когда она смеется, кажется, даже воду в бассейне начинает рябить от этих звуковых волн.

Арина, девушка Демида, оказывается чуть спокойнее. Она сидит, прижавшись к нему плечом, и в её карих глазах светится тихая радость. Время от времени она что-то шепчет ему на ухо, и в ответ его обычно насмешливый взгляд смягчается. Она очень милая, и от неё веет таким домашним уютом, что хочется пригреться рядом, как у камина.

Вся их компания дышит такой гармонией, что наша собственная скованность потихоньку тает, словно льдинки в тёплой воде.

— Они кажутся неплохими ребятами, — произносит Лилия, глядя на всех, и делает глоток мохито.

Парни возятся у гриля, над которым поднимается соблазнительный дымок, пахнувший специями и жареным мясом. Девочки расселись маленькими группками — кто-то смеется, закинув голову, кто-то жестикулирует, рассказывая что-то захватывающее. Общая картина напоминает кадр из какого-то стильного молодежного фильма — сочного, полного жизни.

Взгляд скользит к паре Демида и Арины — они такие... гармоничные. Не как мы с Тимом. С Тимофеем я всегда чувствовала себя на американских горках — то в раю, то в аду. С

Тёмой... с ним всегда ровно и спокойно. Как будто вернулась домой после долгой бури. И именно этот покой пугает больше всего — вдруг это затишье перед новой катастрофой?

Так, стоп, с какой стати я вообще думаю в таком ключе про Артёма? Надо резко оборвать эти мысли, выключить их, как надоевший сериал. Выпить большой глоток холодного мохито, чтобы лёд остудил не только горло, но и эти глупые, ни на чём не основанные фантазии.

— Да, поэтому расслабься, — отвечаю я Бессоновой, растягиваясь на шезлонге, как котенок на солнышке. Вечерний воздух ласкает кожу, а от тихого плеска воды в бассейне веет прохладой. — Могло быть куда хуже.

Внезапно за спиной возникает тень, и чьи-то теплые, сильные руки мягко ложатся мне на плечи.

— У вас все хорошо? — низкий, знакомый до мурашек голос Артёма звучит прямо над ухом.

От неожиданности и приятного щекотного ощущения по коже я слегка вздрагиваю, но тут же расслабляюсь, вжимаюсь в его легкие объятия. И снова этот контраст — Тим в такие моменты всегда сжимал так сильно, будто метил территорию, а Тёма... *он просто держит.*

— Все отлично, — отвечаю мгновенно, и мои губы сами растягиваются в счастливой улыбке. От его прикосновения по спине бегут мурашки, а в груди тепло и спокойно.

— Девочки, чего вы тут одни сидите? — к нам подходит Соня, пышные рыжие кудри горят в свете гирлянд. В ее руке

покачивается бокал с ярко-красным коктейлем, в котором позванивают льдинки. — Пойдёмте к нам, — ее быстрый, как у птички, взгляд скользит по моему лицу, затем по скептически приподнятой брови Лили, и, наконец, останавливается на Артёме, на его расслабленных, но таких уверенных руках на моих плечах. — Ты же не против, что я твою девушку украду? — бросает она ему с игривым подмигиванием.

Улыбка застывает на моем лице, словно я поймана на чем-то запретном. Во рту мгновенно пересыхает, а сердце совершает нелепый кульбит где-то в горле. Я чувствую, как под взглядом Сони заливаюсь краской.

— Мы... Я... я не его девушка, — выдавливаю из себя, быстро-быстро хлопая ресницами, словно пытаюсь отогнать смущение. Голос звучит тонко и неестественно.

— Ой, да? — Соня заливается серебристым смехом, покачивая своим бокалом. — Вы просто так мило ворковали.

— Мы друзья, — произношу я еще раз, и в этот самый миг чувствую, как пальцы Тёмы на моих плечах на секунду сжимаются сильнее, а затем его ладони отстраняются, оставляя на коже ощущение внезапной прохлады. Его теплое присутствие за моей спиной исчезает, и мне становится странно пусто.

— Знаю я *таких друзей*, — подмигивает Соня, ее глаза блестят от веселья. — Пойдёмте, — кидает она через плечо, грациозно разворачиваясь и указывая подбородком в сторону шумной женской компании, где слышен взрыв нового

смеха.

Поворачиваюсь к Тёме, но он уже отошёл на несколько шагов, сливаясь с вечерними тенями. Свет гирлянд выхватывает лишь его профиль и легкую, почти невесомую улыбку. Громов коротко кивает в сторону гриля, где Никита что-то увлеченно рассказывает, размахивая щипцами. Жест понятен и прост: «Иди, развлекайся».

Вроде бы, ничего не случилось. Никакой драмы. Так почему же в груди внезапно стало так пусто и холодно, будто кто-то выключил солнце? Почему его улыбка показалась мне отстраненной, а взгляд — намеренно избегающим? С Тимом все было просто — его эмоции всегда были на поверхности, как ураган. А с Тёмой... с ним я постоянно ловлю себя на том, что ищу скрытые смыслы в молчании, читаю послания в том, как он отводит взгляд.

Мы молча встаем с Лилей. Я чувствую на себе ее внимательный, чуть встревоженный взгляд, но не поворачиваюсь.

Идем к веселящейся компании девочек. Их смех кажется сейчас слишком громким, а огни гирлянд — слишком яркими.

Вечеринка набирает обороты, превращаясь в настоящий водоворот звуков и красок. Парни, наконец, присоединились к нам, оставив свой пост у гриля. Даже Лиля, обычно такая сдержанная, не смогла противостоять заразной энергии Сони и уже пригубливает второй коктейль, мастерски приготовленный этой рыжей бестией. На щеках у Лили играет нежный румянец, а в глазах появилось расслабленное выражение.

Мы устроились за низким деревянным столиком, уставленным стаканами с напитками, в которых позванивают льдинки. Наша компания — десять человек, остальные либо танцуют под зажигательные ритмы, либо, отделившись, сидят у самой кромки бассейна.

— Может, поиграем? — внезапно предлагает Соня, и ее глаза загораются озорными искорками.

— Малыш, мы уже стары для этого, — спокойно произносит Макс, нежно обнимая ее за плечи. Его голос звучит

бархатно и тепло.

— Мне еще нет двадцати, — парирует она, выпячивая губки в комичной гримасе. — Ну давайте, ребят! — ее энтузиазм заразителен, как вирус.

Все бурно поддерживают Сонину идею, и мы начинаем рассаживаться по кругу на теплых деревянных панелях террасы. Конечно же, всеобщим голосованием побеждает игра в «правду или действие». Стеклянная бутылка из-под лимонада, поставленная в центр, кажется невинным аксессуаром, но в ее вращении скрывается обещание волнения.

Артём садится прямо напротив меня, и когда мой взгляд невольно находит его, он, уловив его, отвечает мне той самой, сногсшибательной улыбкой, от которой по телу разливается тепло. А затем, почти незаметно для остальных, он подмигивает.

Сердце замирает, когда Соня с хитрой улыбкой запускает бутылку в движение. Стекло, звеня о деревянный настил, кружится словно в замедленной съемке. Я украдкой смотрю на Артёма — он наблюдает за бутылкой с притворным безразличием, но в уголках его губ играет улыбка.

Бутылка останавливается на Никите. Он тут же хватается за карман:

— Действие! Только ничего унижительного!

Максим с усмешкой произносит:

— Пропой «Маленькую елочку», только с чувством и расстановкой. Ну или пей, — кивает он на три шота с ядерной

смесью.

Никита пожимает плечами и исполняет хриплую, нарочито драматичную версию детской песенки. Все хохочут, особенно когда он падает на колени перед смущенной Лилией на финальной ноте.

Следующий круг — и бутылка указывает на саму Соню.

— Правда! — выпаливает она, обнимая Макса.

— Часто ты врешь? — с притворной серьезностью спрашивает Артём.

— Только в исключительно важных случаях! — парирует она. — Например, когда говорю Максу, что не злюсь на него.

Воздух снова наполняется смехом. Следующий ход — и бутылка указывает на Лилу. Она замирает, словно олененок перед фарами.

— Правда, — торопливо говорит она, прежде чем кто-то успеет предложить «действие».

Арина, сидящая рядом, задает вопрос.

— Ты сейчас скучаешь здесь с нами?

— Нет. Это... интересный опыт. — Лилия краснеет, но поднимает подбородок. В ее глазах мелькает редкая для нее искорка вызова. Кажется, эти два коктейля сделали свое дело — наша обычно сдержанная подруга начинает раскрываться, как бутон под теплым дождем.

Бутылка снова приходит в движение, описывая на полированном дереве неуверенные круги. Огни гирлянд отражаются в стекле, создавая причудливые блики. Сердце начина-

ет биться чаще, когда я понимаю — она замедляет ход и вот-вот остановится...

И останавливается. Напрямую напротив меня.

Воздух на террасе застыл, густой и сладкий, словно сироп. Даже оглушительный смех и музыка из колонок кажутся приглушенными, отдаленными. Все взгляды прикованы ко мне и к этому проклятому стеклянному горлышку, что указывает на меня.

— Правда, — выдыхаю я, чувствуя, как по щекам разливается предательский румянец. Голос звучит чуть хрипло. Я не готова к «действию». Не сейчас.

Из тишины раздается низкий, слегка насмешливый голос Демида. Он полулежит на подушках, его пальцы нежно переплетены с пальцами Арины.

— Ну что, Альбина, — тянет он, и его взгляд скользит по моему лицу, заставляя меня внутренне сжаться. — Твой друг, — он кивает в сторону Артёма, который сидит напротив, уставившись на него, — *он для тебя просто друг? Или нечто большее?*

Словно раскат грома в звенящей тишине. У меня перехватывает дыхание. Я чувствую, как Никита замирает с полным стаканом в руке, а Лиля, сидящая рядом, резко поворачивается ко мне.

Я не смотрю на Тёму. Не могу. Но я чувствую его. Чувствую, как изменилось его дыхание, как напряглись его плечи.

Внутри все кричит. Старая, верная часть меня, та, что выросла с ним бок о бок, в ужасе хватается за голову: «*Нет, только не это!*». Тим разбил мне сердце, но Тёма... он может разрушить весь мой мир, всю ту систему координат, в которой я существовала все эти годы.

— *Шоты*, — срывается с моих губ, прежде чем я успеваю передумать. — Я пью.

На секунду воцаряется тишина, а потом терраса взрывается одобрительным гулом.

— Вот это поворот! — весело кричит Соня, уже хлопая в ладоши. — Три шота для смелой девушки!

Передо мной будто из ниоткуда появляются три стопки, наполненные мутной жидкостью ядовито-фиолетового цвета. От нее ударяет в нос сладковато-горьким запахом, в котором угадывается и текила, и самбука, и что-то еще, отчего слезятся глаза.

Хватаю первую стопку. Пальцы скользят по холодному стеклу. Я не смотрю ни на кого, особенно на Тёму. Жидкость обжигает губы, горьким потоком стекает по горлу, заставляя содрогнуться все тело. Внутри все протестует. Во рту остается противный, химический привкус.

— Давай, Аля! — подбадривает кто-то. — Одной мало!

Вторая стопка. Я залпом опрокидываю ее в себя, едва не давась. Слезы сами наворачиваются на глаза от этой адской смеси. Мир вокруг начинает слегка плыть, краски становятся ярче.

Тянусь к третьей стопке, пальцы дрожат. Еще один глоток этого огня, и, может быть, я смогу забыть о вопросе, который повис между мной и Артёмом тяжелым, невысказанным грузом.

Но прежде, чем я успеваю дотронуться до стекла, сильная, теплая ладонь накрывает мою руку.

— Хватит, — голос Артёма звучит тихо, но так, что слышно даже сквозь гам. В нем нет злости. Только усталая нежность и та самая, вечная готовность меня спасти. Даже от самой себя.

Я поднимаю на него глаза. Его взгляд темный, серьезный. В нем я читаю все: и понимание, и боль, и вопрос, на который у меня не хватило смелости ответить. Артём медленно забирает у меня последнюю, нетронутую стопку и одним движением опрокидывает ее в себя, не моргнув и глазом.

Но его рука, все еще лежащая на моей, сжимается чуть сильнее, и в этом жесте — обещание поговорить. Позже. Без зрителей.

Я отвожу взгляд, чувствуя, как горячая волна стыда и ледяное облегчение смешиваются во мне в один клубок, тяжелый и неудобный, застревающий где-то в горле. Я струсила. Позволила страху перед тем, что подумают другие, перед тем, как изменится наша вселенная, залить горло огненной отравой вместо того, чтобы просто сказать правду. Но Артём, как всегда, оказался рядом, чтобы принять удар на себя, подставить плечо, когда я готова была рухнуть от собствен-

ной слабости.

До этого момента я намеренно гнала от себя любые мысли о нас с Тёмой. Не потому, что не хотела бы, а потому что *мы* — *друзья*. А о друзьях, о тех, с кем делишься последней шоколадкой и самыми постыдными секретами, не думают в таком ключе. Не рассматривают линию его губ с внезапно нахлынувшим желанием прикоснуться к ним. Не ловят себя на мысли, как бы изменился вкус утреннего кофе, если бы он был не просто другом, а чем-то большим. Это было запретной территорией, огражденной колючей проволокой шуток и привычных объятий.

И сейчас, под оглушительный гам и смех, под приторный привкус ядерной смеси на языке, я понимаю. Понимаю, что ответ на тот вопрос, жгучий и неумолимый, как эти шоты, уже давно известен. Он жил в каждом затянувшемся взгляде, в каждой случайно задержавшейся руке, в молчании, что было красноречивее любых слов. Проще выпить три шота, чем признаться. Проще спрятаться за горьким пламенем, чем встретиться с другим пламенем — тем, что все это время тихо тлело в груди, грозя перерасти в пожар, способный уничтожить все наши старые, такие привычные и безопасные берега.

12 глава.

«Стеклянная стена»

Артёма

Вечеринка вокруг кипит своим чередом. Но для нас с Альбиной всё закончилось минут двадцать назад, когда она выбрала три шота вместо одного честного ответа.

Сажу рядом, смотрю на неё и не понимаю ровным счетом ничего. Она уставилась в тёмную воду бассейна, словно там плавают ответы на все вопросы. Руки сжаты в кулаки на коленях, спина напряжена. От неё так и веет жаром — будто внутри у нее раскаленная печка.

Видел, конечно, как она краснела, когда Соня про «девушку» ляпнула. Как глаза отводила, когда я на неё смотрел.

Но чтобы вот так... Сбежать в алкоголь, словно последняя трусиха... Это не та Альбина, которую я знаю много лет. Та моя Фисташка всегда могла дать сдачи — хоть словом, хоть взглядом.

И, чёрт возьми, не пойму — *она боится, что между нами что-то есть? Или боится, что ничего нет?*

Игра закончилась, и компания постепенно разбрелась кто куда. Демид с Никитой скрылись в глубине гаража. Макс с Соней устроились на подушках у потухающей костровой чаши — он что-то шепчет ей на ухо, а она заливается смехом, который режет тишину ночи. Арина увела Лилю в дом — через распахнутую стеклянную дверь было видно, как они поднимаются по лестнице.

Альбина неожиданно встает с шезлонга. Чуть пошатывается, но быстро находит равновесие, вцепившись пальцами в спинку кресла. Она направляется к дому ровно в тот момент, когда из него, смеясь, выходят Лиля с Ариной. Аля что-то бросает им через плечо на ходу и исчезает в глубине коридора. Подруги перебрасываются парой фраз, а затем Лиля направляется ко мне.

— Куда она пошла? — спрашиваю у Бессоновой, и мой голос звучит хриплее, чем хотелось бы.

— В ванную, умыться, — отвечает Лиля, поправляя сумку на плече. — Я поеду уже, ребят.

Не настаиваю на том, чтобы подруга осталась. Мне совершенно не до этого. Все мое внимание приковано к темной

двери, за которой скрылась Альбина. Я бы с удовольствием забрал ее прямо сейчас, усадил в машину и уехал подальше от этого давящего ощущения, что между нами что-то безвозвратно сломалось.

— Тём, ты бы поговорил с Альбиной. Она тебя всегда слушала. Не понимаю, что с ней случилось, — вздыхает Лиля. В её глазах — усталость и легкая тревога, будто она пытается решить уравнение со слишком многими неизвестными.

«Всегда слушала... — проносится у меня в голове. — Вот только сейчас она не хочет слышать даже саму себя».

— Хорошо, — киваю я, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугую, тревожный комок. — Тебе вызвать такси? — перевожу взгляд на Бессонову.

— Я уже вызвала, — касается она экрана телефона, и её губы расплываются в слабой, но тёплой улыбке. Всегда практичная, всегда на шаг впереди. Настоящая Лиля.

— Дома будешь — напиши, — говорю я и, поднимаясь на ноги, легко целую её в щёку. — Пойду проверю нашу саботажницу. Увидимся.

Поворачиваюсь и делаю уже пару шагов к дому, когда её голос, резкий и настойчивый, догоняет меня в спину:

— Артём! Довези её до дома. Обязательно.

— Обязательно.

Захожу в дом и быстро нахожу нужную дверь — та самая, из-под которой пробивается полоска света. Она оказывается приоткрытой, будто сама судьба дает мне зеленый свет.

Заглядываю в щель и замираю. Альбина стоит перед огромным зеркалом, вцепившись пальцами в мраморную раковину. Её плечи напряжены, а взгляд пустой и несфокусированный — будто она видит в отражении не себя, а какую-то другую, незнакомую девушку.

Стучу костяшками пальцев по косяку, но тут же открываю дверь. Альбина резко оборачивается, словно её застучали за чем-то по-настоящему запретным. Её глаза — два испуганных изумруда — расширяются, а по щекам разливается предательский румянец.

— Напугал меня, — выдыхает она, и голос дрожит, выдавая всё напряжение. Пытается улыбнуться, но получается кривая, вымученная гримаса, больше похожая на гримасу боли.

— Извини, не хотел, — говорю тихо, поднимая руки в умиротворяющем жесте, будто приближаюсь к раненой птице. Стою на пороге, не решаясь сделать шаг — её личное пространство сейчас кажется огороженным невидимой колючей проволокой.

— А чего хотел? — спрашивает Аля, обратно отвернувшись к зеркалу.

— Проверить, все ли нормально. Тебе стало плохо после выпитого? Хочешь, отвезу тебя домой? — мой голос звучит мягче, чем я планировал, но иначе сейчас нельзя — она словно фарфоровая статуэтка, которая может рассыпаться от одного неверного движения.

— Да, немного дурно стало, — неуверенно отвечает она, проводя ладонью по лбу. — Такие напитки явно не для меня, — усмехается Фисташка, но в этой усмешке нет веселья — одна усталая горечь.

— Так зачем пила? *Почему не ответила «нет»?* — спрашиваю, делая шаг внутрь. Мне правда интересно, и эта искренность прорывается сквозь всю мою осторожность.

Аля замирает, ее плечи напрягаются, а в зеркале я вижу, как дрогнули уголки ее губ. Она молчит, мучительно долго. А меня разрывает изнутри тысяча мыслей.

— Не знаю, — наконец произносит Альбина, и в ее голосе слышится странная отстраненность. — Наверное, потому, что не хотела портить всем настроение. Все же веселились...

Я чувствую, как что-то холодное сжимается у меня в груди. *«Не хотела портить настроение»*, — звучит как оправдание, которое она придумала прямо сейчас.

— Так что, теперь будешь пить всё, что тебе предлагают, лишь бы не испортить кому-то настроение? — не могу сдержать легкой горечи в голосе.

Альбина резко поворачивается ко мне, и в ее глазах вспыхивает что-то похожее на обиду.

— А что, по-твоему, я должна была сделать? — ее голос дрожит. — Ты же всегда говоришь, что нужно быть проще...

— Быть проще — это не значит травить себя этой дрянью! — повышаю голос и делаю несколько шагов к ней. — Я думал, ты...

Останавливаюсь, понимая, что сейчас сорвусь и скажу то, о чем буду жалеть. Что думал, между нами есть что-то большее, чем дружба.

— Ты думал, что? — она смотрит на меня с вызовом, но в глубине глаз читается ранимость.

— Ничего. Просто... *Я переживаю за тебя, как всегда.*

Последние слова повисают в воздухе тяжелым грузом. Альбина замирает, и кажется, что все напряжение между нами кристаллизовалось в эти секунды.

— Да, я знаю, — тихо говорит она, и в ее голосе слышится странная горечь. — Ты всегда переживаешь. *Как друг.*

Как же в это мгновение мне хочется сорваться с цепи. Схватить эту безумную фисташку, прижать так сильно, чтобы наши сердца стучали в унисон, впиться в её губы — эти говорящие не то, что нужно, губы. Заткнуть поцелуем, жарким и безрассудным, стереть с ее лица эту маску отстраненности, выжечь из её головы мысль, что я всего лишь друг. Чтобы она почувствовала, как дрожат мои руки, держащие ее, как бешено стучит кровь в висках, как каждый мускул напряжен желанием, которое годами тлело под слоем притворного спокойствия. Чтобы она, наконец, поняла, что дружба здесь ни при чём — здесь пограничное безумие, готовая взорваться страсть, и я уже не в силах стоять на этом краю.

Сжимаю челюсти до хруста, чувствую, как ногти впиваются в ладони. Дышу медленно и глубоко — вдох через нос, выдох через рот, как меня когда-то учили. Каждый мускул

напряжен до предела, будто сдерживаю не себя, а дикого зверя, рвущегося наружу.

Ошибка. Одно неверное движение, один необдуманный поступок — и хрупкое стекло того, что между нами, разлетится на тысячи осколков. Я видел этот страх в ее глазах — тот самый, что появляется, когда границы нарушены. И знаю — если переступлю эту черту, обратной дороги не будет.

Так что, отступаю. Всего на шаг, но он дается труднее, чем любой бой. Потому что где-то глубоко внутри понимаю — теряя нашу дружбу, я потеряю не просто Альбину. *Я потеряю часть самого себя.* Ту самую, что все эти годы дышала её улыбкой, жила её смехом, сходила с ума от её взгляда.

И потому просто стою молча. И глотаю комок в горле, пряча за маской спокойствия всю ту бурю, что разрывает меня на части.

13 глава.

*«Грани дружбы»
Альбина*

Наконец-то, выходной. А еще сегодня прилетают родители. В предвкушении их объятий и смеха я хочу устроить для них самый теплый, душевный ужин. Я уверена, после долгой дороги они будут рады такой домашней неожиданности.

Проснувшись с первыми лучами солнца и приняв бодрящий душ, с каплями воды еще сверкающими на плечах я босиком иду на кухню. Распахиваю холодильник с торжествующим видом... и мой энтузиазм тут же угасает. На полках царит почти стерильное царство одиночества: бутылка кет-

чупа, пакет молока с истекающим сроком годности и одинокий стручок перца, выглядящий весьма печально. Пусто.

Значит, план «А» отменяется. Включается план «Б» — стремительный штурм ближайшего супермаркета. Нужно успеть купить все необходимое и, что главное, приготовить к их приезду. У меня есть чуть больше восьми часов, ведь самолет приземлится ровно в шесть.

Пока натягиваю джинсы, невольно прокручиваю в голове вчерашний вечер. Всё было так... безоблачно до того самого рокового момента. До сих пор не могу понять, что за дурь меня дернула поступить именно так. Сердце сжимается от стыда при одном воспоминании. Вместо того чтобы дать один-единственный, пусть и трудный, ответ, я сгоряча опрокинула эти дурацкие шоты. И теперь между мной и Артёмом повисла эта гнетущая паутина неловкости.

Он вёз меня домой в оглушительной тишине, будто мы стали чужими друг другу. Воздух в салоне был густым и тяжелым, а я лишь молча смотрела в тёмное окно, чувствуя, как жар стыда разливается по щекам. Едва колеса его машины коснулись асфальта у моего подъезда, я, пробормотав наспех «спасибо», выскочила и пулей помчалась к двери, не оборачиваясь.

А ведь вчера он расставил все точки над «і» — четко, ясно. *«Я просто переживаю за тебя, как всегда»* — это простое предложение прозвучало как приговор. И все мои внезапные, ни на чём не основанные фантазии о нём, все эти

трепетные налёты и украдкой пойманные взгляды — всё это в одночасье рухнуло в тартарары.

Боже, как же это было глупо — начать думать о Тёме не как о верном друге, а как о... чём-то большем. Наверное, после болезненного расставания с Тимом моя израненная душа так отчаянно искала опоры, что в итоге напридумывала себе целый роман из обычной мужской заботы. Он был рядом, когда было больно, — и я в ослеплении от стресса, приняла его дружбу за нечто иное. Как же неловко и горько сейчас это осознать.

Мы ведь дружим целую вечность. Если бы между нами могли возникнуть чувства, разве не проявились бы они за эти бесчисленные годы? Не затеплились бы в одном из тысяч наших совместных закатов, не проросли бы в бесконечных разговорах до трех часов ночи, не выдали бы себя в каком-нибудь случайном, затянувшемся взгляде? Но нет — всё было иначе. Только дружба. Чистая, как первый снег, и прочная, как сталь.

Нужно срочно отключить эти дурацкие мысли! Выдернуть шнур из розетки, чтобы погас этот навязчивый экран в моём сознании! Немедленно!

Мы — лучшие друзья. Мы выросли в одном дворе, и наши родители до сих пор пьют вместе чай по воскресеньям. Мы прожили бок о бок больше часов, чем провели в одиночестве. Мы знаем друг о друге всё. Мы — часть друг друга. И думать о нём по-другому — всё равно что пытаться уви-

деть в родном отчем доме чужой и незнакомый. *Это предательство.* Предательство нашей истории, нашего прошлого, всего, что мы так бережно хранили все эти годы.

Встряхиваю головой, словно пытаюсь сбросить с себя назойливые мысли. Нет, нельзя позволять себе раскисать! Нужно двигаться, действовать, срочно отправиться в магазин за покупками и хорошенько отвлечься.

Быстрыми движениями сгребая волосы в высокий небрежный хвост — так, чтобы ни одна прядь не мешала решительному настрою. Бросаю последний взгляд в зеркало: передо мной стоит обычная девушка, а не героиня мелодрамы с запутанным сюжетом. Хватаю ключи и сотовый, который в этот самый момент пронзает тишину настойчивым звонком.

На экране — его фото. Та самая, пойманная мной в прошлом году, улыбка Громова, от которой теплело на душе. И подпись: «Тёма». Это маленькое белое сердечко сейчас кажется таким ироничным.

Глубоко вздыхаю, набирая в легкие воздух, и, медленно выдыхая, принимаю вызов.

— Привет, — произношу я, вкладывая в голос всю возможную беззаботность, как будто вчера не было ни шотов, ни тягостного молчания в машине.

Нужно просто делать вид, что ничего не изменилось, что мы по-прежнему те самые Тёма и Аля, которые знают друг друга как облупленные.

— Привет, Фисташка, проснулась уже? Голова не болит?

— в его голосе слышится знакомая усмешка, и от этого что-то щемяще-теплое сжимается внутри.

— Не-а, на удивление мне не плохо, — на мои губы сама собой наползает улыбка. И дело не только в отсутствии похмелья, но и в том, что его голос по-прежнему действует на меня как успокоительное.

— Это отлично! Что делаешь?

— В магазин собираюсь, — говорю я, и следующая фраза вырывается сама собой, по старой памяти. — Хочешь составить мне компанию?

— Если подождешь меня минут двадцать, то с удовольствием.

— Буду у твоего подъезда, а то я уже выхожу, — торопливо соглашаюсь я, словно боюсь, что он передумает.

— Договорились, Фисташка.

Вешаю трубку, и на душе становится заметно легче, будто с плеч свалилась невидимая тяжесть. Между нами все осталось, как прежде. Нет этой дурацкой недосказанности, неловких пауз и тягостного недопонимания. И это не может не радовать. А те внезапно вспыхнувшие чувства, что пытались меня запутать... Что ж, я смогу их заглушить, запереть в самом дальнем уголке души. В конце концов, я же взрослый человек. В этом нет никакой проблемы.

— Спасибо, что помог дотащить эти пакеты, — выдыхаю я, едва переступив порог квартиры.

Артём аккуратно расставляет тяжелые сумки в тесном пространстве коридора, и я замечаю, как красные полосы от ручек врезались в его ладони. Он делает шаг назад, в полумрак подъезда, и между нами возникает невидимая граница — порог моей квартиры.

— Служба доставки... — начинает он с привычной шутиливой важностью в голосе, но я уже подхватываю, и наши голоса сливаются в унисон, как десятки раз до этого: — «Артём-экспресс» в твоём распоряжении.

Закончив, мы замираем на секунду, а потом взрываемся смехом — тем самым, беззаботным и громким, который всегда был нашим общим языком.

— Теперь осталось сотворить что-то съедобное из этого продуктового великолепия, — хихикаю я, заглядывая в переполненные пакеты.

Артём прислоняется к косяку, скрестив руки на груди, и с деланно-серьезным видом осматривает «улов».

— Могут остаться и выступить в роли помощника шефа, — предлагает он, и в уголках его глаз собираются смешинки.

— Ты единственный, кто может спасти моих бедных родителей от кулинарного эксперимента, — парирую я в том же духе, жестом приглашая его войти.

— Именно поэтому и предложил, — невозмутимо отвечает Тёма, переступая порог. — Потому что отношусь к ним с искренней симпатией. И хочу, чтобы они прожили долго и счастливо.

Он ловко разувается, аккуратно ставит кроссовки у стены, а затем, как грузчик, водружает на себя все пакеты разом и уверенной походкой направляется на кухню. Затем его шаги удаляются в сторону ванной, и доносится звук включенной воды.

С широкой, беззаботной улыбкой, от которой щёки начинают ныть, я иду на кухню. Ловлю себя на том, что иду вприпрыжку, как в детстве.

Всё, как и раньше. Как должно быть. И от этого осознания внутри распускается такое безумное, щемящее счастье, что хочется обнять весь мир.

Ставлю сковороду на плиту, а сама краем глаза слежу за Темой, который уже вернулся. Он расхаживает по кухне, как настоящий шеф-повар — руки в боки, взгляд оценивающий.

— Ну что, Фисташка, с чего начнём наше кулинарное

шоу? — подходит так близко, что чувствую тепло его тела. — Может, с десерта? Ты же знаешь, у меня слабость к сладкому.

— К сладкому? — поднимаю на него глаза, притворно-удивленно. — А я-то думала, у тебя слабость ко мне.

Говорю это шутя, но сердце вдруг бешено колотится. Тёма замирает, и в его глазах появляется та самая искорка, от которой у меня перехватывает дыхание.

— Это уже не слабость, Аля, — говорит он тихо, почти шёпотом. — *Это зависимость.*

От этих слов по спине бегут мурашки. Отворачиваюсь к сковороде, наливаю масло и включаю конфорку, делая вид, что полностью поглощена готовкой, хотя пальцы предательски дрожат.

Боже, что со мной? Это же просто шутка, наш обычный стиль общения. Но почему сегодня каждый его взгляд кажется таким... целенаправленным? Почему его случайные прикосновения, когда он передаёт мне посуду, заставляют кровь приливать к щекам?

— Держи, — Артём протягивает мне луковицу, и наши пальцы соприкасаются на секунду дольше необходимого.

От его дыхания у меня перехватывает дух. Чёрт, он сегодня невыносим. И прекрасен. Этот его взгляд, который, кажется, видит меня насквозь... Эта улыбка, от которой дрожат колени...

Вот ведь чародей. Все эти годы он был просто Тёмой —

моим лучшим другом, братом, товарищем по несчастью. А теперь... Теперь я замечаю, как мышцы на его предплечьях играют, когда он режет овощи. Как он по-новому низко смеётся. Как пахнет его одеколон...

— Знаешь, — говорю, пытаюсь вернуть лёгкость в голос и бросая нарезанный лук на раскаленную сковороду, — если бы ты так же хорошо готовил, как флиртуешь, мы бы уже...

Масло на сковороде вдруг взрывается огненным фейерверком, разбрасывая брызги во все стороны. Я взвизгиваю и отпрыгиваю назад — прямиком в его объятия.

— Осторожно! — Артём мгновенно обвивает меня руками, прижимает к своей груди и оттаскивает от плиты. Его ладони плотно лежат на моём животе, а подбородок касается макушки. — Ничего, я тебя поймал.

Стоим так, прислушиваясь к шипению масла, которое постепенно стихает. Его объятия крепкие, надежные, и я чувствую, как бьётся его сердце у меня за спиной — быстро-быстро, совсем как моё.

— Спасибо, — выдыхаю я, не в силах пошевелиться, не желая, чтобы этот момент заканчивался.

— Всегда пожалуйста, — его голос звучит глубже обычного, а губы касаются моей макушки в легком, почти нежном поцелуе.

Замираю, боясь спугнуть это хрупкое мгновение. *Это просто забота друга, ничего больше... Да?*

— Так, — он первым нарушает момент, медленно отпус-

кая меня. — Давай лучше я займусь сковородой, а ты — салатом. Для безопасности всех присутствующих.

Киваю, не в силах вымолвить ни слова. Да, для безопасности. Потому что, если он ещё раз так ко мне прикоснется, я не ручаюсь за своё поведение.

— Смотри, как надо правильно жарить овощи! — Тёма с комичной важностью встряхивает сковороду, и несколько кусочков кабачка вылетают на стол.

— Осторожно! — смеюсь я, отступая, но спина упирается в кухонный стол.

В этот момент он неловко поворачивается и задевает локтем миску с мукой. Белое облако медленно поднимается в воздух, оседая на наших волосах, ресницах, плечах. Мы замираем, смотря друг на друга.

На его темных волосах мука выглядит как ранняя седина. Я не могу сдержать смех:

— Теперь ты выглядишь как мудрый шеф-повар!

— А ты... — его голос внезапно становится тише, почти нежным. Он медленно протягивает руку и смахивает муку с моей щеки. — Как снежная королева.

Его пальцы задерживаются на моей коже. Воздух становится густым, сладким и опасным. Я вижу, как в его глазах исчезает всякая насмешка, остается только какая-то напряженная, почти болезненная серьезность.

Артём не отводит взгляд. Я тоже не могу. Кажется, время остановилось. Звуки улицы за окном, тиканье часов — всё

исчезает. Остается только его рука на моей щеке и его глаза, в которых я вижу собственное отражение — растерянное, замороженное.

Громов медленно наклоняется. Я непроизвольно приподнимаюсь на цыпочках, сердце бьется где-то в горле. Расстояние между нами сокращается...

Но внезапно раздается пронзительный, настойчивый звонок в дверь.

Я буквально выдергиваю себя из этого оцепенения и выскальзываю в коридор, откуда доносится спасительный звонок. Сердце колотится где-то в горле, бешеными, неровными ударами, отдающимися в висках. Ладони влажные, в ушах стоит звон. *Боже правый! Что я сейчас чуть не натворила?* Чуть не перечеркнула одним необдуманым мгновением всю нашу многолетнюю дружбу с Артёмом?

Все утро я так старательно настраивала себя на другой лад, вбивала себе в голову, что мы — просто друзья, что между нами ничего нет и быть не может. А сейчас... сейчас я чуть не прикоснулась к его губам, чуть не стерла ту невидимую, но такую важную границу.

Перед глазами до сих пор стоит его взгляд — тёмный, серьёзный, без единой привычной насмешки. А на щеке будто до сих пор горит след от его прикосновения. Кажется, я окончательно и бесповоротно запуталась в собственных чувствах, как в густом тумане.

14 глава.

*«В паутине чувств»
Альбина*

Сердце колотится, будто решило установить личный рекорд. Дрожащими пальцами открываю дверь — и замираю. Ну конечно, идеальное время для визита бывшего. Прямо в разгар того, как я чуть не поцеловала друга.

Передо мной, заполняя собой все пространство узкого проёма, стоит Тимофей. В его руках — невероятно пышный, пахнущий летом и нежностью букет белоснежных лилий. А на лице — та самая, когда-то сводившая с ума, ослепительная улыбка, от которой раньше захватывало дух и подкаши-

вались ноги.

— Привет, красавица, — произносит Тим, и его голос звучит сладко. Но улыбка тут же меркнет, брови ползут вверх. Он оглядывает меня с ног до головы, и его взгляд задерживается на моих волосах и плечах, припорошенных мукой.

По спине бегут ледяные мурашки. Я-то стою, как дура, вся в муке, с пылающими щеками и растрепанными волосами. Боже правый! Он сейчас все поймет — и мое смущение, и эту дурацкую ситуацию на кухне, и то, что происходит между мной и...

— Кто там? — раздаётся спокойный, но отчетливый голос из глубины коридора.

Из-за угла, стирая с руки остатки муки, появляется Тёма. Он замирает в двух шагах за моей спиной, и я чувствую, как воздух мгновенно становится густым и тяжелым.

Картина, которая открывается Тимофею, должна быть сюрреалистичной: я, вся в муке, а за моей спиной — Артём, с таким видом, будто он здесь самый что ни на есть хозяин положения.

Лицо Тима искажается. Его глаза распахиваются широко от удивления. А Тёма за моей спиной будто превращается в статую — его плечи напрягаются, челюсть сжимается.

Они смотрят друг на друга через мое плечо, и в их взглядах — не просто неприязнь. Это первобытная, животная вражда. Да, у них раньше были стычки, мелкие разногласия, но они всегда мирились, как ни в чем не бывало... А сейчас

они смотрят друг на друга как два волка на одной территории, готовые вцепиться друг другу в глотку. Воздух трещит от ненависти, и я зажата между ними, как между молотом и наковальней.

— Это тебе, — произносит Тим, с силой вкладывая букет мне в руки.

— Спасибо, — принимаю цветы. Лилии. Белые. Как символ невинности. Ирония ситуации была бы смешной, если бы не была такой грустной.

Голова идёт кругом, веки наливаются свинцовой тяжестью. Хочется просто присесть и закрыть глаза. *Боже, что мне делать?* Как развести этих двух быков по разным углам?

— Может,пустишь, или мне на пороге стоять? — Тимофей язвительно улыбается, но в его глазах — стальные осколки. Он кивает вглубь квартиры, где за моей спиной застыл Артём.

— Да, проходи, — отстраняюсь, давая ему дорогу, и, резко развернувшись, иду в сторону кухни. Сердце колотится так, что, кажется, его слышно в тишине. — Тёма, — бросаю через плечо, и Громов, будто на невидимой нити, молча плетётся за мной, его взгляд жжет мне спину.

Воздух на кухне густой, как кисель. Он пахнет жареным луком, тревогой и моими глупыми надеждами, что они хоть минуту проведут в одной комнате, не пытаясь перегрызть друг другу глотки.

Достаю вазу и налив воды, ставлю букет на подоконник.

Хватаю тряпку и начинаю убирать следы рассыпанной муки. Тимофей садится за стол, наблюдая за нами. Тёма, стиснув челюсти, возвращается к плите. Он с такой силой ворочает на сковороде подрумяненные кабачки, что масло злобно шипит в ответ.

— Осторожнее, *временный помощник*, — слова Тима висят в воздухе, тяжелые и ядовитые. Он медленно поднимается, и его стул с громким скрежетом отъезжает назад. — Не чувствуй себя здесь как дома. Чужие кухни, как и чужие сердца, иногда ошибочно принимают гостей.

У меня перехватывает дыхание. Тряпка выскальзывает из пальцев и с глухим шлепком падает на пол. Тёма застывает у плиты. Он не двигается, но я вижу, как побелели его костяшки на руке, сжимающей ложку.

— Проблем с чужим я никогда не имел, — Тёма поворачивается, и его голос звучит опасно тихо. — В отличие от тех, кто потерял свое и теперь ползает у закрытых дверей.

Тим делает резкий шаг вперед. Его лицо искажается гримасой ярости.

— Я ничего не потерял! — его голос срывается на высокой ноте. — Мы просто взяли паузу! А ты тут вертишься, как...

— Как друг, — Артём перебивает, и в его глазах вспыхивает холодная сталь. — То, чего ты, судя по всему, никогда не понимал. Для тебя люди — либо собственность, либо никто.

— Друг? — Тим язвительно смеется, но в его смехе нет ве-

селья. — Это твой статус? *«Лучший друг»*? Удобно, да? Пригрелся рядом, пока у нас ссора!

У меня уже не остаётся сил даже на обиду. Эти слова... они просто падают в пустоту. Хочется только одного — чтобы все это закончилось.

— Тим, прекрати! — наконец вырывается у меня, но он даже не смотрит в мою сторону.

— Я уже все понял по твоему лицу, когда открылась дверь, — он бросает мне через плечо, не отрывая взгляда от Артёма. — Ты вся перемазана, он тут хозяином похаживает... Вы думали, я не пойму?

Тёма, наконец, отходит от плиты. Всего один шаг, но он кажется угрозой.

— А тебе вообще какое дело? — его вопрос повисает в воздухе. — Ты здесь кто? Бывший. Со всеми вытекающими.

— Я тот, с кем у нее было все! — кричит Тим, и его кулак с силой бьет по столешнице. Тарелка подскакивает и со звоном падает на пол. — А ты что? Тень! Запасной вариант!

Тишина, наступившая после этого, оглушительна. Я вижу, как мышцы на щеках Артёма напряглись. Он смотрит на разбитую тарелку, потом поднимает взгляд на Тима.

— Убирайся, — говорит Тёма так тихо, что я почти читаю это по губам.

— Или что? — Тим бросает вызов, его грудь тяжело вздымается. — Вышвырнешь меня из чужого дома?

Они стоят нос к носу, два разъяренных самца, готовые

разорвать друг друга. А я зажата между ними, понимая, что сейчас все рухнет — наша дружба, остатки приличия, весь этот хрупкий мир.

— Тимофей, тебе лучше уйти! — резко встаю между ними.

— Ты сейчас серьёзно? — Тимофей издает короткий, сухой смешок, но в его глазах — неподдельное неверие. Он смотрит на меня, будто я говорю на непонятном языке.

— Абсолютно! — выдыхаю я.

— Я же тебе все объяснил! — его голос срывается, становясь громче. — Что за дешевый спектакль ты устраиваешь с этим... — он бросает ядовитый взгляд через мое плечо. — ...с этим *«другом»*? Ты ведь прекрасно знаешь, что я тебя люблю, Альбина! — слова вылетают из его уст сквозь стиснутые зубы, пропитанные яростью и отчаянием.

Горло сжимается. Я чувствую, как предательские слезы подступают к глазам, и изо всех сил заставляю их не проливаться.

— Тогда... тогда оставь меня сейчас в покое, — произношу я тихо, почти шепотом, чувствуя, как каждый слог дается с невероятным усилием.

— Ты ведь тоже меня любишь, Аля, — голос Тимофея становится тише, мягче, он смотрит только на меня, словно стер Артёма из реальности. — Позвони кому угодно — Юле, Маше, Илье. Все подтвердят, что я абсолютно невиновен. Я не могу дышать без тебя. Хватит этой комедии, хватит при-

творяться обиженной.

Тимофей говорит, говорит без конца, а я стою, сжимая зубы до боли, чувствуя, как предательская дрожь поднимается от самых пяток. Горло сжато стальным обручем, а в глазах стоит горячий туман. Каждое его слово — точно удар хлыстом по незажившей ране.

Мне было больно и унижительно, когда пьяная Юля выпала про него и Свету. В ту секунду мир рухнул. Я не думала ни о каких недоразумениях — только об измене, о предательстве, о том, как два месяца ждала встречи, а он... Когда он позже объяснил, что случилось на самом деле, я в глубине души поверила. Но не смогла простить — не из-за той дурацкой истории, а из-за того, как он вел себя потом. Как давил, как требовал, как не пытался понять мою боль. Я думала, он осмыслит все и изменится.

И сейчас его слова находят самую больную точку в моем сердце, ту самую, где еще хранятся обрывки наших светлых воспоминаний. Каждый его слог — это ключ, готовый открыть дверь к прощению. И я бы, не раздумывая, сделала шаг навстречу, позволила бы себе забыть всю боль и обиду... если бы не Артём за спиной.

Если бы не его молчаливое присутствие все эти дни, ставшее моим убежищем. Если бы не этот внезапный хаос в душе, посеянный его случайными прикосновениями и затянувшимися взглядами. Если бы не тихая преданность, которая вдруг показалась мне более настоящей, чем все громкие при-

знания.

Два сердца разрывают меня на части: Тимофей — тот, кого я любила, с кем строила отношения, но чьи поступки принесли боль. И Артём — мой лучший друг с самого детства, человек, роднее которого у меня никогда не было, но чья близость теперь пугает своей новизной. И в этой мучительной борьбе между прошлой любовью и вечной дружбой я теряю самое главное — саму себя.

15 глава.

*«На грани чувств»
Льбидина*

— Уходи, — говорю я Тиму, и это слово даётся мне с таким трудом, будто я сдвигаю с места гору. Его сладкие речи, признания, оправдания — всё это разбивается о простую, непреложную истину: сейчас он должен уйти.

— Хорошо. — Тим отступает на шаг, и в его глазах — буря из ярости и обиды. — Ради твоего спокойствия сейчас я уйду, но это не значит, что разговор окончен. — Его голос — низкое, опасное рычание. Он переводит взгляд на Тёму, и в этом взгляде ненависть: — С тобой тоже. *Это не конец.*

Он резко разворачивается. Его шаги гулко отдаются в коридоре — тяжёлые, гневные, отмеряющие расстояние до следующей битвы. Спустя несколько секунд, которые кажутся вечностью, входная дверь с грохотом захлопывается. Этот звук — словно выстрел, возвещающий перемирие, но не мир.

— Аль, — Артём мягко обходит меня и останавливается напротив, его взгляд пытается встретиться с моим.

Но я не могу поднять глаза. Не сейчас. Всё во мне кричит о необходимости одиночества, о тишине, о возможности просто развалиться на части без посторонних глаз.

— Тём, не надо, — шепчу я, зная, что он поймёт. Он всегда понимал без слов. Что мне нужно пространство. Что я задыхаюсь.

На его губах появляется грустная, кривая улыбка — та, что бывает, когда сердце болит, но ты стараешься быть сильным.

— Иди в комнату, я тут сам разберусь со всем, — его голос тихий и тёплый, как плед в холодный вечер.

Он берет веник и совок, начинает аккуратно сметать осколки разбитой тарелки. Каждый звон стекла отзывается во мне новым уколom вины.

Мне до жути неловко, что он сейчас здесь, занимается тем, чем должна я, в то время как я, хозяйка, не могу даже заставить себя поднять нож с пола. Но мои руки дрожат так сильно, что, кажется, я не удержу даже собственную боль.

Всё внутри превратилось в один сплошной, предательский трепет.

Захожу в комнату, и ноги сами подкашиваются. Падаю на кровать и закрываю глаза, но даже под веками продолжают стоять картины только что случившегося.

Плакать хочется до дрожи, до опустошения — чтобы этот ураган внутри разорвал меня на куски и унёс боль прочь. Но слёзы куда-то испарились, оставив после себя лишь сухое, колючее отчаяние.

Я просто лежу, обессиленная, пустая, как выжатый лимон. Мысли путаются в клубок, из которого не вытянуть ни одной внятной нити, а в висках отбивает навязчивый, усталый ритм.

Чего Тим вообще добился своим визитом? Сделал снова больно — не действиями, а словами, которые впивались в самое незащищенное. Он совершенно отключает голову, когда злится, и это пугает больше всего. Почему так взбесился, увидев Артёма? Мы же всегда тусовались вместе — у Громова дома, у меня, в компании... Ничего нового.

Глупая ошибка — впустить его сегодня. Но я же не могла взять букет и захлопнуть дверь перед носом. Вежливость оказалась ловушкой.

Как же сложно всё это. В водовороте мыслей, воспоминаний и сожалений я даже не замечаю, как тяжёлые веки слипаются, а сознание уплывает в тёмные, безмятежные воды сна...

Просыпаюсь от приглушенного, но настойчивого стука в дверь. Открываю глаза — комната погружена в мягкие сумерки, за окном разливается густая синева. Боже, сколько же я проспала? И Артёма оставила одного разгребать последствия нашего кухонного апокалипсиса... Он наверняка уже сто раз проклял тот момент, когда согласился сегодня мне помочь.

— Входи, — отвечаю я голосом, хриплым от сна, и дверь с тихим щелчком открывается.

В проеме показывается Тёма. Он заглядывает в комнату, и на его лице расцветает теплая, немного усталая улыбка. Как он вообще после всего этого еще способен улыбаться?

— Выспалась, Фисташка? — тихо спрашивает он, заходя и присаживаясь на край кровати.

— Ага, что-то силы меня окончательно покинули, — хмы-

каю я, с трудом приподнимаясь на локтях. — Прости за сегодня... за весь этот цирк, — произношу я, глядя на его профиль в полумраке.

— Ты ни в чем не виновата, — он поворачивается ко мне, и его улыбка становится мягче, обезоруживающе доброй. — Ни в чём.

— Сколько времени? — протираю глаза, пытаюсь прогнать остатки сна.

— Начало седьмого.

— Черт, — стоном вырывается у меня. — Я всё проспала и не приготовила ужин! — накрываю лицо ладонями, чувствуя, как по щекам разливается жар стыда и досады. Родители приедут совсем скоро, а я даже не начала готовить.

— Насчёт этого не переживай, — довольно произносит Артём, и в его голосе слышится загадочная нотка.

— Что ты имеешь в виду? — приподнимаюсь на кровати, всматриваясь в его лицо, озаренное мягким светом из коридора.

— Я же вызвался быть помощником шефа, забыла? — Тёма подмигивает, и в уголках его глаз собираются лучики смешинок. У меня в голове будто что-то щёлкает. Неужели он... сам всё приготовил?

— Шутишь? — выдыхаю я, не веря своим ушам.

— Не-а, — он качает головой, и его улыбка становится шире, почти торжествующей. — Всё готово. И салат, и горячее, и даже соус какой-то фирменный придумал. Пришлось

проявить смекалку, конечно, но вроде съедобно получилось.

— Ты мой спаситель, правда, — вырывается у меня, и я резким, почти отчаянным порывом обнимаю Артёма, вжимаясь лицом в его плечо.

И в этот самый момент, как удар молнии, всплывает та ситуация на кухне — тот момент, когда наши губы были в сантиметре друг от друга, когда мука медленно оседала вокруг нас, как застывшее время. Мне так отчаянно хочется почувствовать тепло его губ, узнать, какие они на вкус — нежные или требовательные, сладкие или с горчинкой...

Руки Артёма медленно окольцовывают мою талию, прижимая ближе. Его ладони кажутся такими горячими даже через ткань футболки. И во мне вспыхивает это непонятное, настойчивое желание — закончить начатое. Просто повернуть голову... закрыть глаза...

О чем я вообще думаю? Только пару часов назад я выгнала бывшего, который устроил настоящий спектакль ревности и боли, а сейчас... сейчас я сижу здесь, в полумраке своей комнаты, и хочу поцеловать человека, который все эти годы был просто другом. К кому раньше не испытывала ничего подобного. Или... испытывала, но просто не позволяла себе в этом признаться?

От этих мыслей в груди становится одновременно и тревожно, и сладко. Словно стоишь на краю обрыва, чувствуешь головокружение от высоты, и не знаешь — сделать шаг вперед, в неизвестность, или отступить к привычной, но та-

кой тесной безопасности.

— Ты, как и всегда, оказался рядом и спас, — шепчу я ему в шею, чувствуя, как бьется его пульс под губами. Такой живой, такой настоящий. На что он со звуком втягивает воздух, и его руки на моей спине сжимаются сильнее.

— *Я всегда буду рядом и всегда спасу тебя*, — он чуть отстраняется, и его ладони мягко ложатся на мои щеки. Такие теплые, такие надежные. Он произносит эти слова, глядя прямо в мои глаза, и в его взгляде нет ни тени сомнения — только трепетная серьезность, от которой по коже бегут мурашки.

— Знаю, — отвечаю я, и мой голос звучит тише шепота. Потому что это единственная правда в этом хаосе. И тону в его голубом море — бездонном, бесконечном, таком знакомом и вдруг ставшем совершенно новым.

16 глава.

*«Гармония»
Любина*

Артём постарался на славу. На столе, застеленном свежей скатертью, стояло настоящее пиршество: зеленый салат с кунжутом в моей любимой синей салатнице, румяные кабачки с баклажанами, источающие аромат чеснока и прованских трав, и какой-то кремовый соус в маленьком кувшинчике. Рядом скромно притулилась тарелка с домашним печеньем — видимо, его отчаянная попытка испечь что-то «к чаю».

— Я в шоке, Громов, — произношу я, медленно проводя

пальцами по прохладной поверхности стола. От этой трогательной, почти детской старательности сжимается горло. — Ты... это всё сам?

— Нет, пока ты спала, вызвал на подмогу всю смену из ближайшего ресторана, — его глаза смеются, а на губах играет ухмылка. — Фисташка, ну конечно, сам.

От этих слов что-то теплое и щемящее разливается по груди. Я уже открываю рот, чтобы ответить, но в этот момент из коридора доносится щелчок открывающейся двери, а в следующую секунду — знакомые, такие родные голоса, от которых наворачиваются предательские слезы.

— Дочка, мы дома! — раздается спокойный бас отца, разносясь по квартире.

И я срываюсь с места, пулей вылетая в коридор, забыв и про ужин, и про усталость, и про все на свете.

Я вылетаю из-за угла и на несколько секунд замираю, как вкопанная. На пороге, сбрасывая куртки, стоят они — мама с сияющими глазами и папа с его неизменной доброй улыбкой. В воздухе витает знакомый запах маминых духов и отцовского одеколona — запах дома, детства, безопасности.

— Мама! Папа! — выдыхаю я и бросаюсь в их объятия.

Мамины тонкие, но такие сильные руки сжимают меня так крепко, словно она боится, что я вот-вот исчезну. А папины медвежьи объятия — широкие, надежные — заставляют почувствовать себя снова маленькой девочкой, для которой папа может решить любую проблему.

— Альбиночка моя, — шепчет мама, целуя меня в щеку.
— Соскучилась до слез!
— Дочурка, — папа отстраняется, держа меня за плечи, и внимательно изучает лицо.

В этот момент из кухни появляется Артём. На его лице застыла смесь легкой паники и смущения, будто пойманный с поличным ребенок.

Родители замирают на секунду, а потом мама радостно хлопает в ладоши:

— Тёмочка! А мы и не знали, что ты здесь! Как замечательно! — мамины глаза сияют настоящей радостью.

Папа одобрительно кивает, его лицо озаряется теплой улыбкой. Они всегда были рады Громову в любое время суток — хоть глубокой ночью, хоть на рассвете. В детстве мне часто казалось, что они относятся к нему как к родному сыну, особенно в те дни, когда родители Артёма надолго уезжали в командировки и он практически жил у нас, становясь частью семьи.

— Добрый вечер! — Артём широко улыбается, по-мужски крепко пожимает папе руку, а с мамой они, как всегда это делают, обнимаются тепло и душевно, словно родные. — Вы как раз успели к ужину.

Мы перемещаемся на кухню, где воздух напоен ароматами чеснока, средиземноморских трав и чем-то неуловимо домашним, уютным, пахнущим детством и счастьем. Родители с нескрываемым восхищением осматривают стол,

установленный тарелками с ярким салатом, румяными горячими закусками и тем самым загадочным «фирменным» соусом в симпатичном глиняном кувшинчике.

— Да вы, я смотрю, тут целый пир устроили, — улыбается папа, с профессиональным интересом разглядывая блюда. — Не ожидал от тебя таких кулинарных способностей, дочка.

— Готовьтесь к шок-контенту, — произношу я с заговорщической улыбкой, — всё это великолепие приготовил лично шеф-повар Громов!

— Вот это да! — восклицает мама, хлопая в ладоши и смотря на Артёма с неподдельным восхищением. — Тёма, да ты просто волшебник! Настоящий кулинарный гений!

— Мне было в радость, — Артём смущённо улыбается, и на его щеках проступает легкий румянец. — Тем более, Аля боялась вас отравить, а я пришёл на помощь. Не мог этого допустить, — шутит он и весело подмигивает мне.

Все начинают смеяться — папа громко и заразительно, мама — нежно. Воздух наполняется теплотой, которая, кажется, разгоняет все остатки сегодняшнего напряжения.

— Ну, я, пожалуй, пойду... — произносит Артём после паузы, делая нерешительный шаг к выходу. — Не буду мешать вашему семейному ужину...

— Какой ужин без тебя? — возмущается мама, хватая его за руку. — Ты столько всего приготовил, а сам уходить собрался? Ничего подобного!

— Правильно, — подхватывает папа, расставляя тарелки.
— Раз уж взялся помогать нашей дочке, так помогай до конца.

Артём смотрит на меня, а я улыбаюсь и пододвигаю ему стул. В его глазах — смесь смущения и тепла, а в моем сердце — странное чувство завершенности, будто так и должно было случиться.

— Оставайся, — тихо говорю я, и он, наконец, сдается.

И когда мы все садимся за стол — я, мои родители и Артём, — понимаю: несмотря на весь сегодняшний хаос, что-то в этом дне идеально правильно.

Посидев чуть больше часа за столом в уютном узком кругу, родители быстро удалились спать — с дороги они изрядно устали. А я, налив ароматного чая Тёме, принялась неспешно убирать со стола.

— Аль, — тихо зовёт меня Громов.

— Я вся во внимании, — весело отвечаю я, ловко отправляя тарелки в посудомойку.

После сегодняшнего вечера я чувствую себя удивительно хорошо, несмотря на внезапный визит Тима. Да, он испортил мне настроение своей необузданной ревностью, хотя мы уже давно расстались. Но сейчас, в этой спокойной атмосфере, даже эта неприятность кажется далёкой.

— Помнишь Демида и его компанию? — спрашивает Тёма, делая глоток чая.

— Конечно, — киваю я, вспоминая того харизматичного парня с гоночной трассы и его весёлую дружную компанию.

— Они нас зовут на следующие выходные в поход. Палатки, вечер у костра и все дела. Поедем?

Я поворачиваюсь к Тёме и внимательно смотрю на него. Он спрашивает так, словно мы — единое целое, неразлучная пара, которая всегда вместе решает такие вопросы. В его глазах — неподдельный интерес и легкое волнение.

В поход с палатками я никогда не ходила, и мне вдруг безумно захотелось попробовать — тем более, что на улице еще стоит прекрасная теплая погода, золотая осень только начинается.

— Прикольная идея, — говорю я, и на моём лице появляется заинтересованная улыбка.

— Тогда я отвечаю согласием? — уточняет Тёма, его глаза ловят моё настроение и загораются таким же азартным

огоньком. На что я уверенно киваю, уже представляя себе шум леса, треск поленьев в костре и уют палатки под звездным небом.

Уверена, это будет незабываемо. Возможно, именно то, что нужно после всех этих эмоциональных бурь — свежий воздух и новые впечатления.

17 глава.

*«В объятиях природы»
Альбина*

Неделю спустя.

Раздражающая вибрация где-то под подушкой настойчиво выдергивает меня из объятий глубокого сна. Я мычу что-то нечленораздельное, не открывая глаз, и запускаю руку под теплый шелк наволочки. Пальцы нащупывают холодный стеклянный корпус телефона. Почти не глядя, с завидным для спящего человека автоматизмом, я провожу пальцем по экрану, смахивая ползунок.

— Фисташка, только не говори, что ты ещё спишь? — в

трубке раздается до неприличия бодрый голос Артёма, от которого у меня за закрытыми веками тут же начинает пульсировать висок.

— Не-а, — сипло выдавливаю я, с трудом разлепив губы. Мозг еще наполовину спит, и это единственное слово, на которое хватает сил. Соображать, кто, что и зачем от меня хочет, — задача непосильная.

— Ладно, спи-и-и, тогда я вместе с палаткой поехал, — говорит Тёма, и в его голосе слышится ухмылка.

И тут в меня, как удар током, ударяет осознание. Суббота. Утро. Лес. Палатки.

Резко подрываюсь с кровати, словно от пружины. Телефон с глухим стуком падает на пол. Несколько раз бессвязно выругавшись, я начинаю беспомощно барахтаться в одеяле, которое внезапно превратилось в ловушку из ткани и пуха.

— Тём, десять минут! — кричу я в сторону упавшего телефона, пытаюсь высвободить ногу. Из динамика доносится тихий, довольный смешок.

Дотягиваюсь до телефона, с трудом попадаю пальцем по иконке сброса и, подскочив, пулей вылетаю из комнаты в ванную. Быстро привожу себя в человеческий вид — умываюсь ледяной водой, с силой расчесываю спутанные волосы, натягиваю приготовленные с вечера вещи. Конечно, на это уходит куда больше заявленных десяти минут, и бедному Артёму приходится томиться в ожидании целых полчаса, о чем он тут же сообщает мне многозначительным взглядом,

когда я, наконец, запыхавшаяся и красная от спешки, выскакиваю к его машине.

— Лиля тебя прибьёт, — смеётся Тёма, ловко выхватывая мой перегруженный рюкзак из рук, чтобы уложить его в багажник, уже забитый палатками и спальниками.

— Мне уже пришло от неё семь сообщений, но я даже не смотрю, — нервно хихикаю я, чувствуя, как по спине бегут мурашки от одной только мысли о грядущей расправе, и сажусь в салон на переднее сиденье.

Артём запрыгивает следом, с лёгкостью поворачивает ключ зажигания, и машина срывается с места, резко направляясь к дому Бессоновой, где нас уже, несомненно, ждёт разгневанная подруга с секундомером в руках и убийственным взглядом.

Пока мы едем, я прислоняюсь горящим виском к прохладному стеклу, прикрываю тяжелые веки и медленно погружаюсь в дрему под мерный гул двигателя. Эта неделя пролетела молниеносно, как один сплошной, размытый кадр: лекции, посиделки с Лилей за разбором моей личной жизни и постоянное, изматывающее избегание Тима.

После того унижительного спектакля у меня дома я полностью разорвала с ним контакт. Номер телефона — в черном списке. В университете — ловлю себя на том, что высматриваю его в толпе, чтобы увернуться и пойти длинной дорогой. А домой он больше не суется — там теперь почти всегда кто-то из родителей, а на их глазах он не решится устроить оче-

редную сцену.

Когда я почти уже проваливаюсь в сладкое забытие, машина плавно останавливается, и задняя дверь с характерным щелчком распаивается, впуская в салон порцию бодрящего осеннего воздуха, пахнущего влажной листвой и прохладой.

— Привет, Тём, помоги с вещами, — доносится знакомый собранный голос Лили. Я, не открывая глаз, стараюсь замедлить дыхание, делая вид, что крепко сплю.

— Без проблем, — легко отвечает Громов, и слышно, как его дверь захлопывается.

— Спасибо. А ты, — голос Бессоновой становится недовольным, — не делай вид, что спишь. Я могла поспать свои законные полчаса, а не сидеть в ожидании под дверью.

— Не бурчи, — лениво произношу я в ответ, медленно поворачиваясь к подруге, приоткрывая один глаз.

— Не бурчи? — Лиля фыркает. — Мы же договорились, что за мной заедете в семь, а не в семь тридцать. Пунктуальность не твоя главная черта.

— Ты невыносима-а-а, — протягиваю я, закатывая глаза, но не могу сдержать улыбки.

В этот момент Артём возвращается в салон, садится за руль и с забавной ухмылкой оглядывает нас — две подруги, уже устроившие перепалку с самого утра.

— Поехали? — переспрашивает Артём, бросая быстрый взгляд на навигатор. — Впереди час сорок минут дороги, если, конечно, не попадем в пробки.

— Да, давай, только, умоляю, заедем сначала за кофе, — тут же вставляю я, чувствуя, как без утренней дозы кофеина мой мозг откажется функционировать вовсе. — Я не выживу без него.

Тёма коротко кидает: «Договорились», — и плавно отъезжает от дома Лили. Машина мягко трогается с места, оставляя за собой знакомый подъезд, а я уже предвкушаю первый обжигающий глоток латте, который должен вернуть меня к жизни.

К десяти утра мы наконец-то добираемся до места. Вокруг — бескрайний золотой лес, стоящий в осеннем убранстве, и такое ощущение, будто кроме нас здесь ни души. Заезжаем на поляну, служащую стоянкой, и замечаем несколько припаркованных машин, а чуть поодаль — ребят, которые уже всюю разгружают багаж из багажников.

Артём аккуратно паркуется рядом, и мы вываливаемся на улицу. Воздух ударяет в лицо — свежий, холодноватый, пахнущий мокрой корой, прелыми листьями и чем-то неуловимо лесным. И только сейчас до меня доходит — среди встречающих нет ни Арины, ни Демиды.

Мы перебрасываемся приветствиями с Соней, Максом и Никитой. Оказывается, первая парочка примчалась сюда почти час назад и уже успела найти идеальное место для лагеря, Ник подкатил буквально пятнадцать минут назад и только начал распаковываться, а вот Демид с Ариной сильно задерживаются — банально проспали, как выяснилось из общего чата.

Мы недолго стоим у машин, перебрасываясь шутками про опоздавших. Соня, не в силах сдерживать свой энергичный напор, хлопает в ладоши.

— Ну что, пока одна парочка где-то в пути, не будем терять времени зря! — ее рыжие кудри развеваются на прохладном ветру. — Пойдемте, я вам покажу идеальное место для лагеря. Мы с Максом его в прошлые выходные присмотрели.

Макс, как всегда спокойный и основательный, лишь кивает, поправляя ремень своего и без того идеально нагруженного рюкзака.

Мы движемся за ними вглубь леса. Тропинка узкая, петляющая между стволами высоких сосен и берёз, уже наполовину оголенных. Воздух здесь еще гуще, еще насыщеннее.

Пахнет хвоей, влажным мхом и грибами. Под ногами мягко шуршит ковёр из жёлтых и багряных листьев.

— Осторожнее, — предупреждает Артём, подавая мне руку, когда я чуть не спотыкаюсь. — Нашла единственный торчащий камень во всём лесу.

— Я не нашла, он сам меня нашёл! — отшучиваюсь я, но пальцы с благодарностью сжимают его ладонь.

— Девушка-катастрофа, — смеется Никита позади. — В лесу везде преграды и опасности.

— Молчи, а то палатку будешь ставить один, — бросаю через плечо.

— Только попробуй его настрой испортить, — подключается Лиля, поправляя рюкзак. — Он мне всю дорогу рассказывает, какую трехэтажную конструкцию собрался строить.

— Не трехэтажную, а с прихожей! — парирует Никита. — Чтобы в гости звать.

— А медведей не планируешь в гости звать? — вкрадчиво спрашивает Артём.

— Только если вежливых, — невозмутимо отвечает Ник.

— Вот, — Соня останавливается на небольшой поляне, окруженной с трех сторон деревьями, а с четвертой — подступающей к самому краю речкой. Солнечные лучи пробиваются сквозь кружево ветвей, окрашивая всё в золотистые тона. — Красиво, да?

— Прямо как в сказке, — задумчиво говорит Лиля, и в её глазах впервые за сегодня появляется не критичность, а

искренний восторг.

— Я же говорила, что вам понравится! — произносит Соня, сияя от гордости.

— Офигенно, — выдыхаю я, оглядываясь по сторонам. Место и правда волшебное. Уединенное, живописное, с источником воды под боком.

— Здесь и встанем, — Макс снимает свой внушительный рюкзак. — Площадка ровная, ветра почти нет, вода рядом. Идеально.

— Идеально для того, чтобы кто-то ночью пошел за водой и упал в реку, — философски замечает Никита.

— Это ты про себя? — уточняет Артём, расстегивая свой рюкзак.

— Я про любого из нас, кроме Макса. Макс, наверное, и во сне по компасу ходит.

— Не хвалюсь, но да, — Максим не поднимает головы, расстилая тент для палатки.

Мы начинаем разгружаться. Соня, не теряя ни секунды, уже командует расчисткой площадки для костра:

— Так, ветки сухие — сюда! Кто пойдет за хворостом? Артём, ты выглядишь самым неутомимым. Никита, не прячься за Альбиной, я тебя вижу! Лиля, можешь собирать шишки для растопки?

— Шишки? — переспрашивает Лиля с видом специалиста. — Лучше березовую кору. Она горит даже сырая.

— Слушайте её, — кивает Ник. — Она уже прочла три

книги по выживанию в дикой природе.

— На всякий случай, — пожимает плечами Бессонова.

А я стою посреди этого осеннего великолепия, слушаю шум реки и весёлые голоса друзей, и чувствую, как вся городская суeta и тревоги последних дней потихоньку отступают, растворяясь в этом лесном умиротворении.

— Фисташка, — окликает меня Артём, протягивая сверкающий на солнце тент. — Поможешь палатку поставить? А то я боюсь, что Никита с балконом и гардеробной начнет строить.

— С гардеробной — это гениально! — тут же отзывается Никита.

— Давайте уже без гардеробных, — вздыхаю я, но улыбка не сходит с лица.

И в этом смехе, в этих шутках, в хрусте веток под ногами есть что-то такое простое и настоящее, отчего на душе становится светло и спокойно.

— Так, — командует Соня, — пока вы тут шутите, костер без дров остаётся. Никита, Артём, за хворостом! Лиля, с ними, чтоб не набрали всякой ерунды. Альбина, помогай Макс с палатками. А я пойду встречать наших опоздавших, а то заплутают ещё.

Она исчезает среди деревьев, а мы принимаемся за работу. Макс оказывается настоящим профессионалом в установке палаток — его движения точные и экономичные. Я подаю растяжки и вбиваю колышки, стараясь не отставать.

— Неплохо справляешься, — одобрительно кивает Максим, когда мы натягиваем тент. — Думал, городская девочка, испугаешься комаров.

— Я ещё и бутерброды колотушкой для мяса собираюсь нарезать, — парирую я. — Увидишь, какой у меня уровень выживания.

Из леса доносятся возгласы и смех — видимо, команда, ушедшая за хворостом, преуспевает. Вскоре на поляну вываливаются Артём и Никита, неся охапки сухих веток, а за ними выходит Лиля с аккуратно сложенной охапкой бересты.

— Смотри-ка, — Артём бросает охапку сухих веток в обозначенное камнями кострище и подходит ко мне. Солнечные зайчики прыгают по его темным волосам, а на фоне золотого леса его голубые глаза кажутся совсем прозрачными. — Наша палатка почти готова.

— Наша? — голос срывается на полтона выше, и я чувствую, как горло перехватывает. Пальцы непроизвольно сжимают край толстовки, скручивая ткань. В висках отдается нарастающий шум. Я делаю глоток воздуха, но он не попадает в лёгкие, застревая где-то в груди колючим комом.

Мысли путаются, создавая хаотичный калейдоскоп образов: его спящее лицо в нескольких сантиметрах от моего, тепло его тела в тесном пространстве палатки, случайные прикосновения во сне. От этих мыслей по спине бегут мурашки — часть от страха, часть от какого-то запретного, сладкого предвкушения.

— Ага, — подмигивает мне Тёма с таким беззаботным видом, будто предложил разделить шоколадку, а не палатку. Он ловко подхватывает растяжку из моих онемевших пальцев и принимается помогать Максиму. — Ты же не против?

Его спокойствие лишь усиливает мою панику. *Он что, не понимает, что предлагает? Или понимает, и это какая-то игра?* Мой мозг лихорадочно перебирает варианты: может, это просто очередная его шутка? Несколько секунд стою в лёгком ступоре, глядя, как сильные руки уверенно затягивают верёвки. От неожиданности в висках стучит, а в груди что-то сладко и тревожно замирает. *Мы будем спать в одной палатке? Взрослые, сознательные люди? Рядом?* Вся кровь приливает к лицу.

В голове проносятся обрывки воспоминаний: его объятия в машине после вечеринки, тот почти-поцелуй на кухне, его слова «я всегда приеду».

— Аль, иди сюда! — раздаётся голос Лили из-за спины. Она стоит у импровизированной кухни — расставленно-го раскладного стола. Встряхиваю головой, словно пытаюсь отогнать рой трепетных бабочек в животе, и бросаю последний взгляд на Артёма. Он уже вовсю обсуждает с Максом что-то про ветровую оттяжку, но уголок его губ подергивается едва заметной улыбкой. Чёрт, он точно сделал это специально.

— Иду! — откликаюсь я, заставляя ноги двигаться в сторону Лили.

Мы уже заканчиваем обустройства лагерь, когда из-за деревьев доносится нарастающий гул голосов и смеха. Через пару минут на поляне появляются запыхавшаяся Соня, а за ней — Демид и Арина.

— Встречайте, самые отважные! — провозглашает Соня.

Демид, как всегда, выглядит слегка насмешливым. В руках он держит большой термос и пакет, а за спиной огромный рюкзак. Арина, прижимая к груди плед, виновато улыбается.

— Мы не сильно опоздали? — спрашивает она, оглядывая почти готовый лагерь.

— Всего-то на два часа, — фыркает Лиля, но беззлобно. — Успели даже чайник на костре вскипятить. Ну, почти.

— Виноват, — Демид поднимает руки. — Мой будильник решил, что у него выходной. В качестве искупления привез-

ли кофе и свежую выпечку.

— Тогда, лично я вас прощаю! Давайте сюда, — оживляется Никита.

Пока Арина помогает расстилать пледы, Демид разливает ароматный кофе в пластиковые стаканчики. Лагерь преобразается: четыре палатки красуются на ровной площадке, в центре уже сложен аккуратный шалашик для будущего костра, а на большом пледе раскладывается вся наша веселая компания.

— Ну что, — поднимает свой стаканчик Артём, — за то, чтобы медведи были вежливыми!

Мы звонко чокаемся стаканчиками, чувствуя, как теплый напиток согревает ладони. Солнце пригревает уже по-летнему, золотя макушки сосен. Где-то рядом звонко перекликаются птицы, а с реки доносится свежий, влажный ветерок.

Арина тихо говорит Демиду что-то на ухо, и он смеется. Никита что-то увлеченно доказывает Макс, размахивая булочкой. Соня, примостившись рядом с Лилией, показывает ей на телефоне фото с прошлого похода.

Артём пододвигается ко мне поближе, его плечо касается моего.

— Ну что, Фисташка, — тихо спрашивает он, — городские тревоги отступают?

Я смотрю на него — на его знакомое до боли и вдруг такое новое лицо в лучах осеннего солнца, на тёплые глаза, в которых отражаются сосны и я сама.

— Пока да, — так же тихо отвечаю я.

И в этот момент, среди смеха друзей, запаха кофе и хвои, под бескрайним небом, я чувствую что-то щемяще-правильное и важное. Что-то, ради чего стоит простить все опоздания, все невыспанные ночи и все тревоги. Что-то, похожее на начало.

18 глава.

*«Закат солений»
Альбина*

Полдня в лагере кипит продуктивная суматоха, наполненная смехом и слаженной работой. Парни во главе с Максом заняты обустройством территории вокруг костра. Они таскают и аккуратно складывают внушительные запасы хвороста, расчищают безопасную зону, устанавливают складные стулья.

Артём и Никита, сверкая на солнце напряженными мышцами, переносят самые тяжёлые вещи — канистры с водой, толстые поленья на всю ночь.

Тем временем, мы начинаем разворачивать гастрономический фестиваль на большом раскладном столе. Работы немного, ведь основную часть заготовок мы сделали еще дома.

Соня, наш неугомонный режиссёр праздника, с воодушевлением расставляет по столу многочисленные контейнеры и термосумки, извлекая оттуда будущие кулинарные шедевры.

— Так, мясо для шашлыка пока остается в холодильнике-термосе, мариноваться! Салаты тоже позже, чтобы не заветрились.

Лиля, с ее врожденным перфекционизмом, пока только раскладывает основу для будущего пиршества — одноразовую посуду, скатерть, столовые приборы, создавая идеальный «фундамент» для предстоящей трапезы.

Я же, с чувством глубокого удовлетворения, начинаю расставлять по столу домашние пироги, которые мы с мамой пекли ещё вчера допоздна. Они пока лежат в закрытых контейнерах, но от них уже исходит такой душевный аромат сдобы, что даже парни время от времени оборачиваются в нашу сторону.

Арина, закончив помогать с организацией зоны отдыха, присоединяется к нам и теперь азартно расставляет по столу соусы и приправы в симпатичных баночках, которые она, как выясняется, приготовила сама.

Солнце, пробиваясь сквозь кружево листьев, ласково

освещает нашу кипящую деятельность. Лагерь, постепенно обустривающийся и наполняющийся запахами будущего пира, выглядит не просто местом для ночлега, а настоящим временным домом, полным уюта, смеха и радостного предвкушения вечера.

Все, наконец-то, закончено, и наш лагерь преобразился до неузнаваемости. Парни, довольные и слегка вспотевшие, водрузили в центр старенький, но надежный мангал. Макс, наш главный по огню, уже деловито разжигает угли, аккуратно укладывая щепочки в пирамидку. От него веет такой уверенностью, что кажется, будто он не просто разжигает мангал, а проводит древний ритуал.

— Огонь — это вам не игрушки, — с серьезным видом говорит он, но глаза смеются. — Сейчас мы его задобрим, и он нам подарит самый вкусный шашлык на свете.

Рядом Артём и Никита уже открывают холодное пиво. Шипение открывающихся банок звучит как самая прекрасная музыка после трудового дня.

— Ну что, труженики, заслужили? — Тёма подмигивает мне и протягивает холодную банку. Пальцы наши встречаются, и по спине бегут мурашки. — Фисташка, тебе сок или тоже рискнешь?

— Рискну! — смеюсь я в ответ.

Никита, тем временем, уже успел раздать пиво всем желающим и теперь с важным видом поднимает свою банку:

— Ну, коллеги по лесному счастью! Поднимаю за то, чтобы наш шашлык не превратился в угольки благодаря «ритуалу» Максима!

Все взрываются смехом. Лиля фыркает, но глаза сияют:

— Главное, чтобы твои шутки не превратились в угольки, Никита. А то ты сегодня особенно «горяч».

— Ой, Лилечка, а я и не знал, что ты так внимательно за мной следишь! — парирует он, и на ее щеках тут же вспыхивает румянец.

Соня включает музыку на портативной колонке. Звучит что-то зажигательное, и она, притопывая, начинает расставлять на столе закуски.

— Так, мясо на подходе, а пока — не помереть с голоду! — объявляет она, выставляя тарелки с овощами, сыром и домашними пирогами.

Я отхожу чуть в сторонку, прислоняюсь к сосне и про-

сто смотрю на всех. Угли в мангале уже разгорелись ровным алым светом, отражаясь в счастливых глазах друзей. Артём ловит мой взгляд через поляну и поднимает свою банку в молчаливом тосте.

Я отвечаю ему тем же, и в этот момент в голове проносится вихрь мыслей.

Вот он. Тот самый человек, который всегда был рядом. Не там, где ярко и шумно, как Тим, а там, где тихо и по-настоящему. Кто приехал ночью к аэропорту, кто молча стоял щитом между мной и болью, кто смотрел на меня такими глазами, в которых не было ни капли лжи. Кто знает всех моих тараканов и всё равно рядом. С ним я не чувствую необходимости притворяться или быть кем-то другим. С ним я могу просто быть. Спутанной, неловкой, вечно опаздывающей, но — собой.

Громов до сих пор не отводит глаз, и в его взгляде я вижу не просто дружескую поддержку. Там есть что-то большее.

А что, если эти трепетные бабочки в животе — не просто благодарность за дружбу? Что, если это та самая тихая, спокойная, но такая прочная любовь, о которой я всегда читала в книгах? Та, что строится не на страсти и буре, а на доверии и тысяче мелочей? На совместно прожитых годах, на знании привычек друг друга, на умении молча понять?

Артём делает маленький глоток из банки, не отрывая от меня глаз, и я чувствую, как по спине бегут мурашки.

«Нет, Альбина, нельзя думать так о друге!» — кричит

мой внутренний голос, пытаясь заглушить нарастающую дрожь в коленях. *«Это же Тёма! Тот самый мальчишка, с которым ты в детстве дралась из-за последнего куска тор-та! Тот, кто видел тебя в ужасной зеленой кофте с оленя-ми, которую ты носила!»*

Но почему-то сейчас, глядя на него — на его сильные ру-ки, обхватившие банку, на твёрдую линию подбородка, на губы, прикоснувшиеся к жестяному краю — я вижу не про-сто друга. Вижу мужчину. Сильного, надежного, красивого... И это осознание бьёт током, заставляя сердце бешено коло-титься.

«Прекрати!» — пытаюсь образумить себя. — *Это просто эмоции. Усталость. Атмосфера. Ты уязвима после Тима, вот и ищешь поддержки.»*

Но когда Громов медленно опускает банку, и его взгляд становится ещё глубже, ещё пронзительнее, все мои внут-ренние доводы рассыпаются в прах. Потому что в его глазах я читаю то же смятение, ту же борьбу. И понимаю — это не игра. Не шутка. Не мои фантазии.

И самый страшный вопрос, который вдруг пронзает меня насквозь: *«А что, если это и есть та самая правда, которую мы так долго прятали даже от самих себя?»*

— Девочки! — звонкий голос Сони разрезает вечерний воздух и заставляет меня вздрогнуть. Она стоит, уперев ру-ки в бока, а ее рыжие кудри пылают в закатных лучах. — А не махнуть ли нам к реке? Закат — просто огонь! Устроим

настоящую фотосессию!

— О, да! — тут же подхватывает Арина, хлопая в ладоши.

Я почти физически чувствую, как это предложение — спасательный круг, брошенный мне в бушующее море собственных мыслей. Женская компания, смех, красивые виды — идеальный способ перезагрузить мозг.

— Я только за, — говорю, может быть, даже слишком быстро, слишком воодушевленно.

Лиля, которая до этого скептически изучала состав анти-москитного спрея, наконец отрывает взгляд от флакона.

— Если вы думаете, что я буду залезать на какое-нибудь дерево для «эффектного кадра», то вы ошибаетесь, — заявляет она, но я уже вижу, как в уголках её губ играет улыбка.

— Никто тебя на дерево не загонит, — смеётся Соня, хватая свой телефон. — Но вот промочить ноги в ледяной воде ради искусства — это запросто!

Бросаю последний взгляд через плечо на Артёма. Он смотрит на нашу оживленную группу с легкой улыбкой.

И пока мы, смеясь и толкаясь, идём по узкой тропинке к реке, я чувствую, как тяжёлый клубок противоречивых чувств к Артёму понемногу начинает распутываться. Сменив обстановку и окунувшись в чисто женскую атмосферу, я наконец-то могу перевести дух. Пусть ненадолго.

Но мне так лишь казалось, потому что после десятка смешных селфи с дурацкими рожицами и фотографий в полный рост, где мы пытались повторить позы из модных бло-

гов, наступила небольшая пауза. Присев на ствол завалившегося дерева, покрытый мягким мхом, Соня неожиданно поворачивается ко мне.

— Скажи честно, — начинает она, подперев подбородок ладонью, — вы с Тёмой всё-таки вместе?

Я поднимаю на неё удивлённый взгляд. Горло внезапно пересыхает. Она же уже принимала нас за пару на вечеринке, и я тогда ответила, что мы просто друзья. Почему этот вопрос снова всплыл?

— Нет, — качаю головой, стараясь, чтобы голос прозвучал максимально естественно. — Мы друзья.

На лицах Сони и Арины расцветают таинственные, понимающие улыбки. Они переглядываются, и в этом взгляде — целая история, которую они явно собираются нам поведать.

— Рассказать вам один интересный факт? — Соня произносит это с такой театральной интригующей паузой, будто готовится открыть величайшую тайну вселенной.

— Давай, — тут же встречается Лиля, откладывая телефон и с любопытством выжидательно поднимая бровь. — Я обожаю интересные факты.

— До того, как Арина с Демидом начали встречаться... они были друзьями. Не такими уж и близкими, как мы с Максом, — она хихикает, бросая взгляд на Арину, которая улыбается тёплой и немного ностальгической улыбкой. — Мы с Максимом очень хорошо общались, он был мне ближе многих людей, всегда понимал, поддерживал и помогал.

Воздух вокруг нас будто сгущается. Простой, казалось бы, рассказ повисает в воздухе, наполненный намеками и невысказанными вопросами. И я чувствую, как по моей спине снова бегут те самые предательские мурашки.

Соня многозначительно смотрит на меня, и её взгляд словно говорит: *«Ну что? Напоминает тебе что-нибудь?»*

Лиля, до этого молча слушавшая, вдруг произносит своим ровным, аналитическим тоном:

— Статистически, большинство успешных романтических отношений начинаются с дружбы. Общие интересы, проверенная временем симпатия, глубокое знание привычек друг друга... Это гораздо более прочный фундамент, чем мимолетное увлечение.

Я слушаю их, и сердце начинает биться чаще. Пальцы сами собой начинают теревить край свитера. В голове проносятся картинки: объятия Артёма в машине после вечеринки, случай на кухне, когда мы чуть ли не поцеловались, долгий взгляд у костра...

— Но мы... мы с Тёмой... — начинаю я и замолкаю, не зная, что сказать.

— Вы с Тёмой смотрите друг на друга так, будто боитесь признаться даже самим себе, — мягко заканчивает за меня Арина. — Поверь, я знаю, как это бывает.

Соня одобрительно кивает, добавляя с лёгкой усмешкой:

— И, если эта информация тебе пригодится, — ты сегодня на него смотришь точно так же, как он на тебя. Так что

ваша «дружба»... — она делает выразительную паузу, — выглядит очень подозрительно.

Отвожу взгляд к реке, где вода медленно темнеет в наступающих сумерках. Их слова висят в воздухе, сладкие и пугающие. И самое ужасное — где-то глубоко внутри я понимаю, что они правы.

19 глава.

*«Лес признаний»
Льбина*

Спустя полчаса мы возвращаемся к лагерю, и я чувствую себя так, будто несу в груди хрупкий, горячий секрет. Девочки, словно по сговору, больше не возвращаются к теме наших с Артёмом взаимоотношений, оставив меня наедине с клубком сладких и тревожных мыслей, которые крутятся в голове, как осенние листья.

Арина, бросив многозначительный взгляд, направляется к Демиду и, сказав что-то на ухо, заставляет его обернуться в нашу сторону. Соня бежит к Максиму и, обняв его за талию,

начинает что-то оживленно рассказывать. Лиля, достав телефон, удаляется к краю поляны — отзваниваться маме, как она объяснила.

И тут я замечаю, что ко мне, обходя дымящийся мангал, уверенной походкой идет сам виновник моих дум. Артём. Закатный свет золотит его профиль, а в руках он держит две новые банки с пивом.

— Нафоткалась? — его губы растягиваются в сногшибательной улыбке. Он протягивает одну банку мне.

— Да. Было весело. Очень, — отвечаю я, стараясь, чтобы голос не дрогнул, и зеркалю его улыбку, хоть внутри всё трепещет.

Громов делает небольшой глоток, не отрывая от меня темно-синих, почти ночных глаз.

— Может, прогуляемся? — его голос звучит тише, интимнее, будто это предложение только для нас двоих. — Пока мясо доходит.

— Только ненадолго, а то скоро шашлык будет готов! — как из-под земли вырастает Никита, появляясь из-за палатки с шампуром в руках и с самым деловым видом. — Шеф не рекомендует пропускать главное событие вечера!

— Подслушивать плохо, ты это знал? — Артём поворачивается к нему, но в его голосе нет и тени злости, лишь тёплая, братская насмешка.

— Я не подслушивал! — Никита воздевает руки с шампуром, как будто даёт клятву, а его лицо расплывается в ши-

рокой, беззаботной улыбке. — Я... осуществлял контроль! И случайно услышал. Побочный эффект.

— Пошли, — не могу сдержать смех я, глядя на эту комичную сцену.

Артём кивает, и мы отворачиваемся от шумного лагеря, уходя в объятия сгущающихся лесных сумерек.

Мы отходим от ребят, и почти сразу же лес поглощает нас — шум голосов и музыка быстро стихают, остаётся лишь шелест листьев под ногами и отдаленный плеск реки. Идём по едва заметной тропинке, плечо к плечу, и это кажется таким естественным.

Сначала мы говорим о пустяках. О том, как Соня пыталась заставить всех делать синхронные прыжки для фото. О том, как Лиля читала Никите лекцию о правильной температуре углей. Мы смеёмся, и его смех — низкий, тёплый — сливается с моим, создавая совершенную гармонию.

Но чем дальше мы уходим, тем глубже становятся разговоры.

— Знаешь, — говорит Артём, его голос звучит задумчиво в наступающих сумерках, — я сегодня смотрел на тебя, когда вы с девочками ушли к реке. И поймал себя на мысли, что... ты стала другой. Сильнее.

— Другой? — смотрю на него искоса, удивлённая.

— После всего, что было с Тимом. Раньше ты как будто всегда немного сомневалась в себе. А сейчас... Ты словно расправила плечи.

Его слова касаются чего-то глубокого и ранимого внутри. От такой искренности перехватывает дыхание.

— Это потому что ты был рядом, — тихо признаюсь я, глядя на тропинку. — Если бы не ты... я не знаю, как бы справилась.

Громов не отвечает и это говорит больше слов.

Мы идём всё дальше, увлеченные разговором. Он рассказывает о своих планах после университета, я — о том, как мечтаю поехать в Италию уже не как турист. Мы говорим о страхах, о надеждах, о самых нелепых моментах из нашего детства.

И только когда вокруг сгущается настоящая, непроглядная темень, а сквозь кроны деревьев вместо заката проступают первые звезды, мы останавливаемся.

— По-моему, — Артём обводит взглядом абсолютно незнакомый участок леса, — мы где-то свернули не туда.

Я оглядываюсь. Все деревья выглядят одинаково. Тропинка, по которой мы шли, бесследно исчезла. Тишина стала абсолютной, и даже реки не слышно.

— Заблудились? — спрашиваю я, и в голосе слышится легкая паника.

Артём поворачивается ко мне. В лунном свете его лицо кажется очень серьезным.

— По-моему, да. Но ничего, — он улыбается, и эта улыбка заставляет меня немного успокоиться. — Со мной же. Я всегда найду дорогу. Или... создам новую.

Тёма протягивает руку, и я, без тени сомнения, вкладываю свою ладонь. Его пальцы смыкаются тёплым, уверенным зажимом. В этом темном, незнакомом лесу его рука — единственный якорь. И он чувствует это.

Боже, каждый шаг в этом крошечном мраке отзывается ледяной дрожью в коленях. Я впиваюсь пальцами в рукав Артёма с такой силой, что, кажется, вот-вот порву ткань. Без его твердого плеча рядом, без уверенной руки, ведущей меня сквозь колючие заросли и хрустящий валежник, я бы застыла на месте, парализованная страхом. Лес, днём такой живописный и дружелюбный, ночью превратился в скрипуче-шелестящее чудовище с сотнями невидимых глаз. Каждый шорох за спиной заставляет сердце бешено колотиться где-то в горле, а воображение тут же рисует ужасные картины.

Артём, напротив, движется с невозмутимой уверенностью, будто у него встроенный ночной видящий прибор и встроенный компас вместо сердца. Его шаги чётки, дыхание ровно. Он не говорит «не бойся», не сыпет пустыми утешениями. Его спокойствие — вот что меня держит.

И вот оно случается. Нога цепляется за скользкий, будто специально подставленный, корень, торчащий из земли. Я с глухим выдохом лечу вперёд, в чёрную, ничего не сулящую пустоту. Но падение длится лишь долю секунды.

Его руки — стремительные, сильные — ловят меня в полете, резко прижимая к твердой, надежной груди. Я вжимаюсь в него всем телом, дрожа от адреналина и внезапной

безопасности. Реакции Тёмы можно только позавидовать — будто он был готов к этому всю жизнь.

Здрав голову, я встречаю его взгляд. Лунный свет, пробивающийся сквозь редкую листву, падает на лицо, и глаза... они горят. Не просто отражают свет, а горят изнутри тёплым, притягательным огнём. Он смотрит на меня так, словно я не неуклюжая дура, только что чуть не свернувшая себе шею, а единственное, бесценное сокровище в этом тёмном, холодном мире.

— Цела? — его голос низкий, с легкой хрипотцой. Он громко сглатывает, и я вижу, как двигается кадык на шее.

Я могу лишь кинуть короткое «м-м», застрявшее где-то между горлом и губами. Но Тёма не отпускает. Наоборот, его руки на моей талии сжимаются еще сильнее, почти больно, прижимая меня так близко, что я чувствую каждый мускул торса, каждый удар сердца, совпадающий с бешеным ритмом моего.

— Спасибо, — наконец выдыхаю я, и мой взгляд самопроизвольно скользит вниз, к его губам, освещенным призрачным лунным светом. Они кажутся такими мягкими...

— Фисташка, — его шепот обжигает кожу, он наклоняется чуть ближе. — *Не смотри на меня так. А то я не удержусь и сделаю то, о чём мы оба сейчас думаем.*

Воздух между нами становится густым, сладким и невыносимо напряженным. Вокруг по-прежнему темно и страшно, но здесь, в этом круге из его объятий, есть только он, я и

это щемящее, пугающее, безумно желанное ожидание.

20 глава.

*«Безушии первого шага»
Артём*

— Фисташка, — мой шепот плывёт в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.